

ВЛАДИМИР
ЖЕЛЕЗНИКОВ

Чучело

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Владимир Железников

Чучело

«Азбука-Аттикус»

1983

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Железников В. К.

Чучело / В. К. Железников — «Азбука-Аттикус»,
1983 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-16925-8

Герои Железникова не боятся прослыть чудаками. Светлые, наивные, искренние, они заставляют задуматься о простых и очень важных человеческих ценностях. Повести проникнуты тоской по бескорыстной храбрости, благородству и доброте. В настоящем издании представлены два произведения, на основе которых были созданы знаменитые фильмы, — «Чучело» и «Жизнь и приключения чудака».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-16925-8

© Железников В. К., 1983
© Азбука-Аттикус, 1983

Содержание

Чучело	6
Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	22
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Железников

Чучело. Повести

Владимир Карпович
ЖЕЛЕЗНИКОВ
1925–2015

© В. К. Железников (наследники), 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство
АЗБУКА®

Чучело

Глава первая

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн – вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток – вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

– Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. – Она всхлипывала на ходу. – Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

– Вот ненормальная! – кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. – Летит как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком – и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!

Глава вторая

Ленкин дед, Николай Николаевич Бессольцев, уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Это был городок, каких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая как живая вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям с древними курганами, заросшими густыми кустарниками жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь над самой рекой, на развалинах старого городища, стоял когда-то княжеский двор, и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами ханских воинов, вооруженных луками и кривыми саблями, которые с криками: «Та Русь! Та Русь!..» – на своих низкорослых, крепких конях пытались переправиться с противоположного берега на этот, чтобы разгромить дружину и прорваться к Москве.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом. Армия Кутузова тогда пересекала его вереницей солдат и беженцев, повозок, лошадей, легкой и тяжелой артиллерии со всевозможными мортирами и гаубицами, с запасными лафетами и полевыми кузницами, превратив и без того худые местные дороги в сплошное месиво. А потом по этим же дорогам русские солдаты с невероятной, почти нечеловеческой отвагой, не щадя живота своего, днем и ночью, без передыха гнали измученных французов обратно, хотя совсем было непонятно, откуда они взяли силы. После такого длинного отступления, голода и эпидемий.

И отсвет завоевания Кавказа русскими коснулся городка – где-то здесь в великой печали жил пленный Шамиль и горцы, которые его сопровождали. Они слонялись по узким улочкам, и их безумный тоскующий взор напрасно искал на горизонте гряды гор.

А первая империалистическая как буря унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками – безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты – и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, размашисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича – старый, сложенный из крепких бревен, совершенно почерневших от времени. Его строгий, простой мезонин с прямоугольными окнами затейливо украшали четыре балкончика, выходящие на все стороны света.

Черный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на веселые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

Дом Бессольцевых давно стоял в городке. Может быть, более ста лет.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева, отца Николая Николаевича. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненные русские, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян, здесь же, посреди своего широкого двора.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

Многие из них остались лежать где-то в безвестных братских могилах, которые печальными холмами разбросаны повсеместно в Центральной России, и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и во многих других местах нашей земли.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой все реже и реже наезжали родственники, – как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

Николай Николаевич не боялся смерти и относился к этому естественно и просто, но он хотел обязательно добраться до родного дома. И это страстное желание помогло ему преодолеть болезнь, снова встать на ноги, чтобы двинуться в путь. Николай Николаевич мечтал попасть в окружение старых стен, где длинными бессонными ночами перед ним мелькали бы вереницы давно забытых и вечно памятных лиц.

Только стоило ли ради этого возвращаться, чтобы на мгновение все это увидеть и услышать, а потом навсегда потерять?

«А как же иначе?» – подумал он и поехал в родные края.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда нет сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчетливо и целеустремленно. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть – с вечностью...

Целый год до его приезда дом простоял заколоченный. Его поливали дожди, на крыше лежал снег, и никто его не счищал, поэтому крыша, и так уже давно не крашенная, во многих местах прохудилась и проржавела. А ступени главного крыльца совсем прогнили.

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался, что не дойдет. Он постоял несколько минут, отдышался, твердым военным шагом пересек улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошел во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное – отколлотить доски, открыть двери, распахнуть окна, чтобы дом зажил своей постоянной жизнью.

Николай Николаевич закончил работу, оглянулся и увидел, что позади него, скорбно сложив на груди руки, стояло несколько женщин, обсуждающих его, прикидывая, кто бы из Бессольцевых мог это быть. Но они все были еще так молоды, что не могли знать Николая Николаевича. Перехватив его взгляд, женщины заулыбались, сгорая от любопытства и желания поговорить с ним, но он молча кивнул всем, взял чемоданчик и скрылся в дверях.

Николай Николаевич ни с кем не заговорил не потому, что был так нелюдим, просто каждая жилка дрожала у него внутри при встрече с домом, который был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнувшим теплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевывмытыми полами. И еще когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах, со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких прическах. Мужчины в ослепительно-белых, голубых, зеленых мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире, при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, никогда не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжелой кровавой работе войны, он, вспоминая дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.

Дело в том, что прапрадед Николая Николаевича был художник, а отец, доктор Бессольцев, отдал многие годы своей жизни, чтобы собрать его картины. И сколько Николай Николаевич себя помнил, эти картины всегда занимали главное место в их доме.

Николай Николаевич отворил дверь с некоторой опаской. Вдруг там что-нибудь непорочно изменилось. И он оказался прав – стены дома были пусты, исчезли все картины!

В доме пахло сыростью и затхлостью. На потолке и в углах была паутина. Многочисленные пауки и паучки, не обращая на него внимания, продолжали свою кропотливую искусную работу.

Полевая мышка, найдя приют в брошенном доме, как цирковой канатоходец, несколько раз весело пробежала по проволоке, которая осталась на окне от занавесей.

Мебель была сдвинута со своих привычных мест и зачехлена старыми чехлами.

Страх и ужас до крайней степени овладели Николаем Николаевичем – подумать только, картины исчезли! Он попробовал сделать шаг, но поскользнулся и еле устоял – пол был покрыт тонким слоем легкого инея. Тогда он заскользил дальше, как на лыжах, оставляя длинные следы по всему дому.

Еще комната!

Еще!

Дальше!

Дальше!..

Картин нигде не было!

И только тут Николай Николаевич вспомнил: сестра писала ему в одном из последних писем, что сняла все картины, увернула их в мешковину и сложила на антресоли в самой сухой комнате.

Николай Николаевич, сдерживая себя, вошел в эту комнату, влез на антресоли и дрожащими руками стал вытаскивать одну картину за другой, боясь, что они погибли, промерзли или отсырели.

Но произошло чудо – картины были живы.

Он с большой нежностью подумал о сестре, представив себе, как она снимала картины, прятала их, чтобы сохранить. Как она, несильная, усохшая с годами, аккуратно упаковала каждую картину. Видно, трудилась целыми днями не один месяц, исколола себе все руки иголкой,

пока зашивала грубую мешковину. Один раз упала с полатей – да она писала ему и об этом, – отлежалась и вновь паковала, пока не закончила своей последней в жизни работы.

Теперь, когда картины нашлись, Николай Николаевич взялся за дом. Первым делом он затопил печи, а когда стекла окон запотели, отворил их настежь, чтобы вышла из дома сырость. А сам все подкладывал и подкладывал в печи дрова, замороженный пламенем и гулом огня. Потом он вымыл стены, принес стремянку, добрался до потолков и наконец, меняя несколько раз воду, выскоблил тщательно полы, половицу за половицей.

Постепенно всем своим существом Николай Николаевич почувствовал тепло родных печей и привычный запах родного дома – он радостно кружил ему голову.

Впервые за последние годы Николай Николаевич освобожденно и блаженно вздохнул.

Вот тогда-то он снял чехлы с мебели и расставил ее. И наконец развесил картины... Каждую на свое место.

Николай Николаевич огляделся, подумал, что бы сделать еще, – и вдруг понял, что ему больше всего хочется сесть в старое отцовское кресло, которое называлось волшебным словом «вольтеровское». В детстве ему не разрешалось этого делать, а как хотелось забраться на него с ногами!..

Николай Николаевич медленно опустился в кресло, откинулся на мягкую спинку, облокотился на подлокотники и просидел так неизвестно сколько времени. Может быть, час, а может быть, три, а может, остаток дня и всю ночь...

Дом ожил, заговорил, запел, зарыдал... Множество людей вошли в комнату и окружили кольцом Николая Николаевича.

Николай Николаевич думал о разном, но каждый раз возвращался к своей тайной мечте. Он думал о том, что когда он умрет, то здесь поселится его сын с семьей.

И видел воочию, как сын входит в дом. И конечно, невидимые частицы прошлого пронзят и прогреют его тело, запульсируют кровью, и он уже никогда не сможет забыть родного дома. Даже если уедет в одну из своих экспедиций, где будет искать редчайшие цветы, взбираясь высоко в горы и рискуя сорваться в пропасть, только затем, чтобы посмотреть на едва заметный бледно-голубой цветок на тонком стебельке, который растет на самом краю отвесной скалы.

Нет, Николай Николаевич как раз понимал: жизнью надо рисковать непременно, иначе что же это за жизнь, это какое-то бессмысленное спанье и обжирание. Но все же он мечтал о том, чтобы сын его вернулся домой или возвращался, чтобы снова уезжать, как это делали прочие Бессольцевы в разные годы по разным поводам.

Когда он очнулся, лучи солнца радужным облачком клубились в доме и падали на портрет генерала Раевского. И тогда Николай Николаевич вспомнил, как он в детстве ловил первые солнечные лучи на этой же картине, и грустно и весело рассмеялся, подумав, что жизнь безвозвратно прошла.

Николай Николаевич вышел на крыльцо и увидел, что солнце осветило балкончик, который выходил на восток, и двинулось, чтобы сделать еще одно кольцо вокруг дома.

Он взял топор, нашел рубанок и пилу, отобрал несколько досок, чтобы починить крыльцо. Как он давно этим не занимался, хотя видно – эта работа крепко «сидела» у него в руках. Он делал все не очень ловко, но с большой охотой – ему нравилось держать обыкновенную доску, нравилось скользить по ней рубанком, и городская суэта многих последних лет незримо уходила из его сознания.

Дом ему скажет за это спасибо, подумал Николай Николаевич, и он скажет спасибо дому.

Потом Николай Николаевич взобрался на крышу, и лист железа, поднятый ветром, ударил его по спине так сильно, что чуть не сбил с крыши – он чудом удержался...

Вот тут он впервые почувствовал острый голод, такой у него бывал только в юности, когда он от голода мог потерять сознание. И неудивительно. Николай Николаевич не знал, сколько

прошло времени, как он приехал, не помнил, что он ел и ложился ли спать. Он работал по дому и не замечал мелькания коротких зимних дней. Раннее утро он не отличал от позднего вечера.

Николай Николаевич пошел на базар, купил квашеной капусты, картошки, сухих черных грибов и сварил кислые грибные щи. Съел две тарелки и лег спать.

Встал, по-прежнему не ощущая времени, снова съел щей, звонко рассмеялся, ловя себя на мысли, что узнаёт в интонациях своего смеха смех отца, и снова почему-то лег спать...

С тех пор прошло несколько лет, и Николай Николаевич забыл про свои болезни. Он жил, жил и чувствовал, что стал вынослив, как крепкое старое дерево, хорошо политое весенним дождем.

Его то и дело видели не по возрасту стремительно бегущим по кривым улочкам городка то в одну сторону, то в другую, очевидно без всякого дела, хотя иногда он нес что-нибудь завернутое в материю, – тогда лицо его вдохновенно светилось и молодело.

Те, кто считались сведущими, судачили, что он ищет какие-то картины. Тратит на них уйму денег, а оставшиеся, все без остатка, отдает за дрова. И топит – подумать только! – все печи каждый день, а в морозы и по два раза, чтобы эти его картины не отсырели. И всегда почему-то ночью, зажигая свет во всех комнатах.

Сколько же у него деньжищ уходило зазря: легким дымом через печные трубы в небо, ярким светом электричества в ночь, а главное, на новые картины – мало ему было своих!

Вот поэтому и гол как сокол.

В городке относились к Николаю Николаевичу с настороженным вниманием.

То, как он жил, горожанам было непонятно и недоступно, но у многих вызывало уважение. И между прочим, люди привыкли к тому, что дом Бессольцевых светился ночью и стал в городке своеобразным маяком, ориентиром для запоздалых путников, издалека возвращавшихся в темноте домой.

Ночью дом был как свеча в непроглядной мгле.

Соседи могли подумать про Николая Николаевича, что он до ужаса одинок и поэтому несчастен. Он вечно бродил по городку один, в неизменной кепке, которую носил, низко сдвинув на лоб, и в потертом пальто с большими аккуратными заплатками на локтях.

За это дети дразнили его «заплаточником», но кажется, он их даже не замечал. Редко-редко он вдруг оглядывался и смотрел им вслед с нескрываемым удивлением. Тогда они стремительно уносились от него, хотя он никогда не ругался и не гнался за ними.

Если с ним вступали в праздные разговоры, то он отвечал односложно и быстро уходил прочь, нахохлившись, как птица на холоде.

Но однажды Николай Николаевич появился на улицах городка не один. Он шел в сопровождении девочки лет двенадцати, какой-то необычно важный и гордый, непохожий на себя. Останавливался с каждым встречным-поперечным и произносил одну и ту же фразу, показывая на девочку:

«А это Лена... – И, внушительно помолчав, добавлял: – Моя внучка». Ну как будто рядом с ним была не девчонка, а какая-нибудь всемирно известная величина.

А внучка его, Ленка, каждый раз отчаянно смущалась и не знала, куда деваться.

Она была нескладным подростком, еще теленком на длинных ногах, с такими же длинными нелепыми руками. На спине у нее торчали, как крылышки, лопатки. Подвижное лицо украшал большой рот, с которого почти никогда не сходила доброжелательная улыбка. А волосы были заплетены в два тугих канатика.

В первый же день своего появления в городке Ленка раз по сто появлялась на каждом из четырех балкончиков и с любопытством смотрела на все четыре стороны света. Ее в равной степени интересовали и север, и юг, и восток, и запад.

Жизнь Николая Николаевича после приезда Ленки почти не изменилась. Правда, теперь в магазин за творогом и молоком бегала Ленка, а сам он изредка покупал на базаре мясо, что раньше за ним не водилось.

Осенью Ленка пошла в шестой класс.

Вот тогда-то и произошла эта история, которая навсегда сделала Бессольцевых – Николая Николаевича и Ленку – знаменитыми людьми. Отзвук этих событий, как колокольный звон, долго еще носился над городком, отзываясь по-разному в жизни тех людей, которые были в них замешаны.

Глава третья

Весь городок был усыпан опавшими листьями – сады, дворы, тротуары, крыши домов. И даже небольшая площадь, именуемая главной, расположенная между универмагом, бывшим собором, и магазином «Хозтовары», сплошь была покрыта сухим и ломким листом.

Единственная уборочная машина и не думала бороться с этим невиданным листопадом.

Ее шофер Петька, молодой нахальный парень, открыв дверцу кабины и свесив наружу ноги в громадных болотных сапогах, курил «Беломор» в ожидании частных просителей, которым надо было что-то подбросить из магазина домой.

Грачи готовились в дальнюю дорогу. Несметными стаями носились они над городком, криками сгоняя с деревьев ленивых птенцов, присевших не вовремя отдохнуть.

Ока вздулась и потемнела от осеннего паводка, хотя по ней еще шустро бегали последние катера. Старый паром вытащили на берег и крепко-накрепко привязали к древним могучим ветлам, чтобы его не унес неудержимый весенний разлив.

И в этой кутерьме Ленка целыми днями носилась по городу. Она не уставала удивляться странностям жизни: грачи улетали, чтобы обязательно вернуться; паром вытаскивали из воды, чтобы весной вновь опустить на реку; деревья опадали, чтобы снова обрасти молодыми и крепкими листьями. Вот такая у нее была славная и интересная жизнь.

И вдруг все это перестало существовать. Она не слышала голоса людей, не видела, куда ведут ее дороги, не замечала, что ест и что пьет.

Случилось это в начале ноября, во время осенних каникул, а закончилось в первый школьный день. Всего-то несколько дней и продолжалась эта история, а жизнь Ленке перевернула.

В тот день Ленка долго бродила по городку, пока не оказалась в тополиной рощице около скульптуры «Уснувший мальчик».

Мальчик лежал на спине, слегка подогнув ноги, вытянув руки вдоль тела и склонив голову к плечу.

Он всегда был грустным, а сегодня показался Ленке на редкость печальным. Может быть, оттого, что слишком низко висели над землей тучи, или оттого, что на душе у Ленки было тревожно.

Только она почувствовала себя одинокой и никому здесь не нужной, и ей захотелось немедленно уехать из этого городка...

Николай Николаевич, мало что замечая вокруг, занимался своим любимым делом. Он стоял на табурете и легкими движениями мягкой волосяной щетки смахивал невидимые пылинки с картин. Это занятие было ему так по сердцу, что он даже напевал себе под нос. И когда в комнату вбежала Ленка, то он сначала не заметил, что она чем-то сильно возбуждена, что куртка у нее нараспашку, губы крепко сжаты, а в глазах отчаяние.

Ленка одним махом вытряхнула из портфеля учебники и тетради и начала беспорядочно впихивать в него свои вещи, которые попадались ей на глаза.

– Тише!.. Тише!.. Безумная! – Николай Николаевич провел щеткой по золотому эполету Раевского. – Лучше оглянись вокруг! Посмотри, какая тебя окружает красота. Этим картинам больше ста лет, а они с каждым годом делаются все прекрасней и прекрасней...

Ленка, не обращая внимания на дедушку, продолжала лихорадочно собираться.

– Ничего ты в этом не смыслишь, скажу я тебе, Елена, хотя и не глупая девица. – Николай Николаевич грустно покачал головой. – Ну что ты топаешь как слон, только пыль выбиваешь из досок.

– Дай мне денег на дорогу, – сказала Ленка, торопливо застегивая портфель.

– А ты далеко собралась? – Теперь Николай Николаевич провел щеткой по многочисленным орденам генерала.

– Я уезжаю.

– А почему в такой спешке? – Он улыбнулся, и лицо его от этого непривычно помолодело. – Ты что, покидаешь тонущий корабль?

– У Димки Сомова сегодня день рождения, – в отчаянии ответила Ленка.

– А тебя не пригласили, и поэтому ты решила уехать? Несерьезный ты человек, Елена. Суетишься. Переживаешь всякую ерунду... Бери пример с генерала Раевского...

– Дедушка, дай мне, пожалуйста, денег на билет, – жалобно перебила Ленка.

– А куда ты едешь, если не секрет? – Николай Николаевич впервые внимательно посмотрел на Ленку.

– К родителям, – ответила Ленка.

Портфель расстегнулся, и она со злостью вновь его застегнула.

– К родителям?! – Вот тут Николай Николаевич забыл про свои картины и соскочил с табурета. – И не думай!.. – Он погрозил ей пальцем. – Ишь ты выдумала! Чтобы я отсюда? Никуда!.. Никогда!.. Ни ногой!

– А ты мне не нужен! – крикнула Ленка. – Я сама уеду! Одна!

– А кто тебя отпустит?.. Какая самостоятельная! Они тебя привезли, они пусть и увозят. – Николай Николаевич провел блуждающим взором по картинам и сказал тихо-тихо: – Пойми, я только этим и жив. – Он протянул руку к Ленке: – Отдай портфель.

Ленка отскочила, стала по другую сторону стола и крикнула:

– Дай денег!

– Никуда! Ты поняла?.. Никуда ты не поедешь! – ответил Николай Николаевич. – И оставим в покое эти глупости.

– Дай денег! – Ленка стала как бешеная. – А не то... я что-нибудь украду и продам.

– В нашем-то доме? – Николай Николаевич рассмеялся.

Смех Николая Николаевича обидел Ленку. Она беспомощно оглянулась, ища выхода из положения, и вдруг крикнула:

– Я твою картину украду! – Бросила портфель и в лихорадке начала снимать со стены картину, которая висела к ней ближе других.

– Картину?! – Николай Николаевич неожиданно быстро подошел к Ленке и отвесил ей такую пощечину, что она отлетела в угол комнаты, а сам в ужасе отступил.

Ленка подхватила портфель и рванулась к двери. Николай Николаевич успел ее схватить. Она укусила его за руку, вырвалась и убежала.

– Я тебе все равно не дам денег! – крикнул он ей вслед, натягивая пальто. – Не дам!.. Елена, остановись!.. Вот бешеная! – И, торопясь, не попадая рукой в рукав пальто, выбежал из дома.

Глава четвертая

А в это время веселый шестиклассник Валька мчался по берегу реки, никак не рассчитывая на то, что вечером ему приклеят позорную кличку Живодер. Он был одет по-праздничному: в чистой рубашке и при галстуке. В руке крутил собачий поводок с ошейником, а носком сапога все время сшибал пустые консервные банки, разбросанные еще с лета там и сям нахальными туристами. Он старался попасть в птиц и кур, тихо блуждающих в кустарнике, или в котов, мирно лоящих последние лучи осеннего солнца. И если ему удавалось поразить какую-нибудь цель, то собственная ловкость вызывала в нем прилив бурной радости.

Валька затормозил около старого дуба – из его дупла торчали две мальчишеских головы.

– Вы что там делаете, мелюзга несчастная? – строго спросил Валька.

– Мы ничего, – испуганно ответили те. – Мы в пожарников играем.

– А ну вылазь! – Валька выразительно хлопнул поводком по голенищу резинового сапога, как какой-нибудь американский плантатор из девятнадцатого века, хотя, между прочим, ничего не знал про них, ибо плохо разбирался в науке под названием история. – Собирай листья! Засовывай их в дупло! Живо!! Пошевеливайся!..

Мальчишки, ничего не понимая, собирали в охапку листья и засовывали их в дупло. Но вот они набили его доверху, Валька чиркнул спичкой и... бросил ее в дупло на листья – те тут же занялись пламенем.

– Ты что?! – взбунтовались мальчишки и бросились к дереву.

Но Валька перехватил их и не отпускал, пока пламя не разгорелось, хотя они бились у него в руках и ревели. Потом с криком: «Вперед!.. На пожар!.. Пожарники!..» – выпустил и удалился.

Так он шел по земле, издавая вопли восторга, оставляя позади себя крики возмущенных жертв.

Валька спешил на встречу со своими друзьями, чтобы идти на день рождения к Димке Сомову. Он еще издали увидел их: Лохматого и Рыжего – они сидели на скамейке у речной пристани, – подскочил к ним, с размаху бухнулся рядом и спросил:

– Ну что, баламуты, жрать охота? – зашелся мелким смехом и добавил: – И мне тоже!.. Как подумаю про сомовские пироги, слюнки текут.

– А я меду с молоком навернул, – ответил Лохматый и мечтательно добавил: – Липа в этом году долго цвела – мед вкусный.

– А мне бабка ничего не дала, – вздохнул Валька. – Чего, говорит, переводить продукт, раз ты в гости идешь.

– Хитрая у тебя бабка, – сказал Лохматый.

– Хитрая-то хитрая, а свою жизнь под откос пустила, – ответил Валька. – Ни кола ни двора. Вот Сомову хорошо. В рубашке родился. И родители деньгу зашибают, и красавчик, и голова работает на пятерки... Так и хочется ему мордочку почистить.

– Завидуешь ты, Валька, – сказал Лохматый.

– А ты нет?.. – Валька усмехнулся. – Чего там... Все люди лопаются от зависти. Только одни про это говорят, а другие врут, что они не завистливые.

– А мне-то чего завидовать? – удивился Лохматый. – Нам в лесничестве хорошо. Воля. И вообще я кого хочешь в бараний рог согну.

– Ну и что? – Валька презрительно сплюнул. – Сила – не деньги. На нее масла не купишь. Лохматый неожиданно схватил Вальку одной рукой за шею и крепко сжал.

– Отпусти! – завопил Валька.

– Рыжий, что главное в человеке? – спросил Лохматый.

– Сила! – встрепенулся Рыжий, выходя из глубокой задумчивости.

– А Валька ее не уважает, – сказал Лохматый. – Говорит, главное в человеке зависть.
– Отпусти! – вопил Валька. – Уважаю я силу!.. Уважаю! Отпусти! Задушишь!..

Лохматый разжал руку и освободил Вальку. Тот на всякий случай отбежал в сторону.

– Натрескался меду! – Валька потер шею. – Силища как у трактора. Не в отца... – Он что-то в злости хотел еще добавить, но передумал.

– Ты моего отца не трожь, – угрюмо ответил Лохматый. – Он у меня весь изрешеченный и битый-перебитый всякой сволочью.

– Смотрите! Шмакова идет! – сказал Рыжий. – Ну выступает!

Лохматый и Валька оглянулись и обалдели.

Шмакова была не одна, ее сопровождал Попов, но все смотрели на нее. Она не шла, а несла себя, можно сказать, плыла по воздуху. Попов рядом с нею был неказистым и неловким, потому что Шмакова нарядилась в новое белое платье, в новые белые туфли и повязала волосы белой лентой. Не по погоде, конечно, зато она блистала во всем своем великолепии.

– Ну, Шмакова, ты даешь! – простонал Валька. – Тебя же в этих туфельках на руках надо нести.

– Артистка эстрады, – сказал Лохматый.

– Сомов упадет, – констатировал Рыжий.

– А мне на Сомова наплевать, – пропела Шмакова, очень довольная собой.

– Что-то незаметно, – сказал Лохматый.

– Хи-хи-хи! – вставил Валька.

– Ха-ха-ха! – присоединился к ним Рыжий.

Попов посмотрел на Шмакову, его круглая курносая физиономия приобрела жалобное выражение.

– Ребя, не надо, а? – попросил Попов. – Лучше пошли к Сомову.

Все радостно заорали, что пора к Сомову, но Лохматый перебил их и сказал, что надо подождать Миронову.

– Наплевать нам на Миронову, – расхрабрился Валька. – Кто она такая – Миронова?.. Кнопка.

– Железная, – наставительно вставил Рыжий.

– Кому сказано – подождем Миронову! – грозно повторил Лохматый.

– Конечно, подождем, – испуганно согласился Валька. – Да и Васильева еще нет.

И тут появился Васильев – худенький мальчик в очках.

– А меня ждать не надо, – сказал Васильев. – Я к Сомову не пойду.

– Почему? – раздался чей-то голос.

Все оглянулись и увидели Миронову. Она была, как всегда, аккуратно причесана и подчеркнута скромно одета. Под курткой у нее было самое обыкновенное форменное коричневое платье.

– Привет, Миронова, – сказал Лохматый.

– Здорово, Железная Кнопка, – угодливо вставил Валька.

Миронова им не ответила. Она не спеша прошла вперед и встала перед Васильевым.

– Так почему ты, Васильев, не пойдешь к Сомову? – спросила она.

– На хозяйство брошен, – неуверенно ответил Васильев и поднял над головой авоську с продуктами.

– А если честно?

Васильев молчал; толстые стекла очков делали его глаза большими и круглыми.

– Ну что же ты молчишь? – не отставала от него Миронова.

– Неохота мне к Сомову. – Васильев с вызовом посмотрел на Железную Кнопку. – Надоел он мне.

– Надоел, говоришь? – Миронова выразительно посмотрела на Лохматого.

Тот двинулся вперед – за ним остальные. Они окружили Васильева.

– А за измену идеалам знаешь что полагается? – строго спросила Миронова.

– Что? – Васильев посмотрел на нее круглыми глазами.

– А вот что! – Лохматый развернулся и ударил Васильева.

Удар был сильный – Васильев упал в одну сторону, а очки его отлетели в другую. Он уронил авоську и рассыпал продукты.

Все ждали, что будет дальше.

Васильев встал на четвереньки и начал шарить рукой в поисках очков. Ему было трудно, но никто ему не помогал – его презирали за измену идеалам. А Валька наступил тяжелым сапогом на очки, и одно стекло хрустнуло.

Васильев услышал этот хруст, дополз до Валькиной ноги, оттолкнул ее, поднял очки, встал, надел их и посмотрел на ребят: теперь у него один глаз был круглый и большой под стеклом, а второй сверкал маленькой, беспомощной голубой точкой.

– Озверели вы! – с неожиданной силой закричал Васильев.

– Иди ты!.. – Лохматый толкнул его. – А то получишь добавку!

Васильев запихивал в авоську рассыпанные продукты.

– Дикари! – не унимался он. – До добра это вас не доведет!

Лохматый не выдержал и рванул за Васильевым, а тот дал деру под общий довольный смех.

– Поредело в нашем полку, – сказал Рыжий.

– Зато мы едины, – резко оборвала Миронова.

– Будем дружно, по-пионерски уплетать сомовские пироги! – рассмеялся Валька.

– Все шутишь, – перебила его Миронова. – А мы ведь о серьезном.

Они уже уходили крикливой, пестро одетой стайкой, когда глазастая Шмакова увидела Маргариту Ивановну, их классную.

– Маргарита, – сказала она.

– В джинсах, – заметил Валька. – Оторвала в Москве. Небось на свадьбу подарили.

– Махнем через изгородь, – предложил Рыжий. – А то начнет воспитывать... Праздник испортит.

– Не буду я никуда прыгать, – сказала Миронова. – Себя уважать надо.

– Лучше спрячемся и испугаем ее, – хихикнул Валька.

– Это уже интересно, – подхватила Шмакова.

Они разбежались кто куда.

Последней, не торопясь, встала за дерево Миронова.

А Маргарита Ивановна, не замечая никого, веселой походкой пересекла сквер и склонилась к окошку кассы речного пароходства.

Валька вышел из укрытия, неслышно подбежал к учительнице и громко крикнул:

– Здравсте, Маргарита Ивановна!

Маргарита Ивановна от неожиданности вздрогнула и оглянулась:

– А-а-а, это ты... Что у тебя за манера подкрадываться?

– А вы испугались? – спросил Валька. – Испугались... Испугались... Ребята, Маргарита Ивановна испугалась, – паясничал он.

– Просто я задумалась, – ответила Маргарита Ивановна и неловко покраснела, то ли от обиды на Валькину бесцеремонность, то ли оттого, что она действительно испугалась, но не хотела в этом признаваться.

Ребята окружили ее, здороваясь.

– Какие вы все нарядные. – Маргарита Ивановна рассматривала их. – А Шмакова просто взрослая барышня.

– Маргарита Ивановна, а вам нравится мое платье? – пристала к ней Шмакова.

- Нравится, – ответила Маргарита Ивановна. – Кто тебе его сшил?
- Известно кто! – с восторгом вмешался в разговор Попов. – Моя мамаша.
- Под моим руководством, – сказала Шмакова и зло зашептала Попову: – Кто тебя за язык тянул?.. А может, мне его из Москвы, из Дома моделей, привезли. «Моя мамаша... Моя мамаша...»
- А ты что же, Миронова, отстаешь от всех? – спросила Маргарита Ивановна.
- Я?.. Тряпок не терплю. – Миронова с высокомерием посмотрела на своих друзей. – Извините, Маргарита Ивановна, мы опаздываем.
- А вы куда? – Маргарита Ивановна была несколько ошарашена резкостью Мироновой.
- К Сомову, – ответил за всех Рыжий. – Гуляем по случаю увядания.
- Передайте ему привет. Скажите, что я ему желаю... – Маргарита Ивановна задумалась. – Сомов человек незаурядный, не останавливается на достигнутом. В главном смел, прямодушен, надежный товарищ...
- В самую точку, Маргарита Ивановна, – проникновенно сказала Шмакова.
- Значит, я ему желаю...
- А вы опять куда-то уезжаете? – перебил Рыжий Маргариту Ивановну.
- Хочу показать мужу Поленово. Он же здесь еще не был нигде. А времени у него мало, ему возвращаться в Москву. – Маргарита Ивановна посмотрела на часы. – Ой!.. Убегаю. Да, чуть не забыла про Сомова... – И уже на ходу выкрикнула: – Пожелайте ему, чтобы он оставался таким, какой он сейчас... Всю жизнь таким... – И исчезла.
- А с нами никак до Поленова не доберется... – начала Миронова, но последние слова замерли у нее на губах, потому что она увидела Ленку Бессольцеву.
- Ленка остановилась как вкопанная. И ребята замерли в восторге.
- Перед нами исторический экспонат – Бессольцева! – Впервые губы Мироновой растянулись в сдержанную улыбку, а голос зазвенел: – Она пришла за билетом!.. Она уезжает!
- Ленка резко повернулась ко всем спиной и подошла к кассе речного пароходства.
- Точно! – крикнул Лохматый. – Она уезжает!
- Сила победила! – радостно поддержал его Рыжий.
- А знаете, что мы ей посоветуем? – Миронова озарилась вдохновением: – Чтобы она запомнила наш урок на всю жизнь.
- Валька, кривляясь, изгибаясь спиной, на цыпочках подбежал к Ленке и постучал костяшками пальцев по ее спине:
- Бессольцева, ты запомнила наш урок?
- Ленка не отвечала. Она стояла не шелохнувшись.
- Не отвечает, – разочарованно сказал Валька. – Выходит, не запомнила.
- Может, оглохла? – пропищала Шмакова. – Так ты ее... встряхни.
- Валька поднял кулак, чтобы садануть Ленку по ее тоненькой худенькой спине.
- А вот этого уже не надо, – остановила его Миронова, – ведь она уезжает. Значит, мы победили. Нам этого достаточно.
- Пусть катится, откуда приехала! – крикнул Рыжий.
- И другие тоже заорали:
- Нам такие не нужны!
- Ябеда!
- Чу-че-ло-о-о! – Валька схватил Ленку за руку и втащил в круг ребят.
- Они прыгали вокруг Ленки, плясали, паясничали и веселились, и каждый старался перещеголять другого:
- Чу-че-ло-о-о!
- Чу-че-ло-о-о!
- Ого-род-ное!

– Рот до ушей!

– Хоть завязочки пришей!

Крутился разноцветный круг, а Ленка металась внутри его.

В это время появился Николай Николаевич, увидел Ленку и ребят, прыгающих вокруг нее, и крикнул:

– Вы что к ней пристали? Вот я вас!..

– Заплаточник! – завопил Рыжий. – Атас!

Они бросились в разные стороны.

Только Миронова осталась на месте, даже не шелохнулась, бровью не повела. Слова ее были полны презрения ко всем остальным:

– Вы что, трусили?

Этот решительный окрик остановил ребят.

– Что же вы шестеро на одного! – Голос Николая Николаевича звучал почти трагически. – И не стыдно вам?

– А чего нам стыдиться! – нахально вякнул Валька. – Мы ничего не украли. Все в законе.

– Вы лучше свою внучку стыдите! – сказала Миронова.

– Лену? – удивленно спросил Николай Николаевич. – За что?

Ленка резко повернулась к дедушке, и он увидел ее лицо: искаженное, словно ее больно ударили. Он уже хотел крикнуть этим детям, чтобы они замолчали, чтобы побыстрее ушли и оставили их вдвоем.

Но ему никто и не собирался ничего говорить, это было не в их правилах: посвящать взрослых в свои дела. Лишь Миронова твердо и весело сказала на ходу:

– У нее узнаете. Она вам все в красках расскажет.

Они скрылись. Только некоторое время в тихом и прозрачном осеннем воздухе были слышны их крики:

– Молодец Железная Кнопка!

– Не испугалась Заплаточника!

– Сила победила!

А потом и голоса пропали, растворяясь вдали.

А Ленка, бедная Ленка ткнулась Николаю Николаевичу лицом в грудь, чтобы спрятаться хотя бы на время от тех бед, которые свалились на нее, и притихла.

Его внучку дразнили Чучелом и так ее доконали, что она решила уехать, подумал Николай Николаевич и почувствовал, как ее беда больно ударила его в сердце: он всегда тяжело переносил чужие беды. Это было трудно для жизни, но он не хотел расставаться с этой привычкой, не бросал тяжелую, но дорогую ношу. И это была его жизнь и спасение. Так подумал в этот момент Николай Николаевич, а вслух сказал, чтобы успокоить Ленку:

– Ну что ты... – Он погладил ее мягкий нежный затылок. – Не обращай на них внимания. – Голос у Николая Николаевича дрогнул, выдавая волнение. – Учись у меня. Я всегда спокоен. Делаю свое дело – и спокоен. – Он почти крикнул с вызовом: – Ты слышала, они дразнили меня Заплаточником? Несчастные!.. Не понимают, что творят. – И вдруг тихо и нерешительно спросил: – А ты что сделала? За что они тебя так?

Ленка вырвалась из его рук и отвернулась.

«Не надо было у нее ничего спрашивать, не надо было», – подумал Николай Николаевич, но эти слова сами собой сорвались у него с языка. Ну что же она такое страшное сделала, что они оттолкнули ее от себя, презрели и гоняли, как зайца?..

– Ну ладно, ладно! – сказал Николай Николаевич. – Прости... Ты решила уехать – значит, тебе так надо. Я жил один... И дальше буду жить один. – Он помолчал, потому что смысл этих слов был ему неприятен. – Привык к тебе? Отвыкну...

Тут он по своей старой привычке нахохлился, как птица под дождем, и натянул козырек кепки на глаза.

– Все это для меня неожиданно, – продолжал Николай Николаевич. – Жили рядом, а я толком в тебе ничего не понял. Не проник в твою душу – вот что обидно.

Он полез в карман, достал потертый кошелек и долго копался в нем, ожидая, вдруг Ленка что-нибудь скажет, ну, например, что она передумала, что никуда не поедет и что он может спрятать свой кошелек обратно в карман. Он тянул время, тяжело вздыхал, но это ему не помогло – Ленка молчала.

– На, – сказал Николай Николаевич, протягивая Ленке деньги. – Купи два билета на завтра. Я провожу тебя до Москвы, до самолета.

– А я так хотела на сегодня! – печально вздохнула Ленка. – На сегодня! На сейчас!

– Но это безумие, – сопротивлялся Николай Николаевич. – Посмотри, какие ты взяла вещи. Где твои учебники? А пальто? Там же снег давно, сразу заработаешь ангину!

Он говорил, говорил, она его перебивала: «На сегодня, на сейчас!» – а он убеждал задержаться, хотя сам отлично понимал, что все его доводы полнейшая ерунда, а главное состояло в том, что ему страшно не хотелось, чтобы Ленка уезжала. И поэтому он оборвал свою речь на полуслове, наклонился к ней и признался просительным шепотом:

– Ну не могу я так сразу!.. Ну давай завтра.

Ленка выхватила деньги из рук Николая Николаевича.

– Ты слышала? Я согласен на завтра, – в последний раз попросил он.

Николай Николаевич озадачил Ленку – ее ли это бабушка говорит?

Она подняла глаза и увидела его спокойное, неподвижное лицо. Только тонкий жгутик шрама, идущий от виска к углу жестких, сухих стариковских губ, предательски побелел, и потерянные глаза, спрятанные под козырьком кепки, выдавали его сильное волнение.

– А у тебя заплатка на рукаве оторвалась, – вдруг заметила Ленка.

– Надо пришить. – Николай Николаевич ощупал заплатку.

Ленка увидела, что шрам на бабушкином лице снова стал еле заметным, и сказала:

– Ты бы купил себе новое пальто.

– У меня на это нет денег, – ответил тот.

– Вот про тебя и говорят, что ты – жадина. – Ленка прикусила язык, но обидное слово уже выскочило, теперь его не поймаешь.

– Жадина? – Николай Николаевич громко рассмеялся. – Смешно. – Он с большим вниманием стал разглядывать свое пальто. – Ты думаешь, что в нем ходить совсем уже неприлично?.. А знаешь, я это пальто люблю. В старых вещах есть что-то таинственное... Утром я надеваю пальто и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой много лет назад покупали его. Это она его выбирала... А ты говоришь – купи новое!..

Их взгляды опять встретились – нет, не встретились, а столкнулись, потому что каждый из них думал об отъезде.

– Ну ладно, – сказала Ленка, – поеду завтра. – И купила два билета.

Они пошли домой, сопровождаемые неизвестно откуда налетевшим дождем, омывающим сухую предзимнюю землю, – они даже не заметили, как он начался.

Когда они вошли в комнату, то в открытую форточку влетела музыка и крики ребят.

– У Сомовых гуляют. – Николай Николаевич спохватился, что сказал не то, и как бы невзначай закрыл форточку.

Но музыка и крики были так громки, что и затворенная форточка не спасала.

Тогда Николай Николаевич сел к пианино, что он делал чрезвычайно редко, и демонстративно открыл крышку.

– Ну что ты так смотришь на меня? – спросил он у Ленки, перехватив ее взгляд. – Меня почему-то потянуло к музыке. И нечего меня гипнотизировать.

Николай Николаевич заиграл громко и задиристо. Потом вдруг оборвал игру и молча, с неммым укором посмотрел на Ленку.

– Не смотри на меня так! – не выдержала Ленка и крикнула: – Ну что ты один будешь тут делать?.. Бери картины с собой, и поедем вместе!

– Что ты... Опомнись! – Николай Николаевич в волнении стал рассматривать картины. – Это невозможно. Они родились здесь... На этой земле... В этом городе... У этой реки... Здесь им вечно жить... Однажды во время войны я лежал в госпитале, и мне приснился сон, будто я мальчиком стою среди этих картин, а по ним солнечные зайчики бегают. Тогда я и решил: если останусь жив, навсегда вернусь в родной дом... Не сразу удалось, но все-таки добрался. А теперь мне кажется, что я и не уезжал, что я тут всегда... Ну, понимаешь, всегда-всегда... – Он как-то виновато и незащитно улыбнулся. – Многие сотни лет... Что моя жизнь продолжение чьей-то другой... Или многих других... Честно тебе говорю. Иногда мне даже кажется, что не мой прапрадед написал все эти картины, а я... Что не мой дед был фельдшером и построил в городе первую больницу, а тоже я... Только одной тебе могу в этом признаться. Другие не поймут, а ты поймешь как надо... А когда ты сюда приехала, я, старый дурак, раз мечтался, решил: и ты к родному месту прирастешь и проживешь здесь длинную череду лет среди этих картин. Пусть твои родители носятся по свету, а ты будешь жить в родном доме... Тоже всегда. Не вышло.

Николай Николаевич вдруг подошел к Ленке и решительно сказал:

– Послушай, давай кончим это дело. – Он старался говорить бодрым голосом. – Возвращайся в школу, и баста.

Ленка пулей отлетела от Николая Николаевича, схватила свой несчастный портфель и бросилась к двери.

Николай Николаевич загородил ей дорогу.

– Отойди! – Такого остервенения в ее лице Николай Николаевич еще никогда не видел: губы и лицо у нее побелели как мел. – Лучше отойди!.. Кому говорят!.. – И бросила в него портфель – он просвистел мимо его уха и шмякнулся о стену.

Николай Николаевич с большим удивлением посмотрел на Ленку, отошел от двери и сел на диван.

Ленка постояла немного в нерешительности, вся сжалась, виновато опустила голову и робко села рядом с ним.

– А ты не сердись на меня... Ладно? – попросила она. – Не сердись. Просто я какая-то чумовая. Всегда что-нибудь не то делаю. – Ленка заглянула Николаю Николаевичу в глаза. – Ты простил меня? Простил?..

– Ничего я не простил, – сердито ответил Николай Николаевич.

– Нет, простил, простил! Я вижу по глазам, – обрадовалась она. – Я... увлеклась...

– Ничего себе «увлеклась», – ответил Николай Николаевич. – Родному деду чуть голову не снесла.

– А вот и неправда, – сказала Ленка.

Ее лицо вдруг так необыкновенно преобразилось, что Николай Николаевич тоже улыбнулся. Оно стало открытым и радостным, рот растянулся до ушей, щеки округлились.

– Я же мимо бросала!

И вдруг лицо ее снова изменилось, стало каким-то отчаянным.

– Только не перебивай меня. Ладно? А то я сорвусь и не смогу рассказать. А так я тебе все-все расскажу, всю правду, без хитрости.

– Хорошо, – обрадовался Николай Николаевич. – Ты успокойся и рассказывай... не спеша, подробно, так легче.

– Еще раз перебеешь – уйду! – Губы у Ленки подтянулись и глаза сузились. – Я теперь не то что раньше. Я – решительная. – И она начала рассказывать.

Глава пятая

– Когда я пришла в школу первый раз, то Маргарита, наша классная, позвала в учительскую Рыжего и велела ему отвести меня в класс. Мы шли с Рыжим по коридору, и я всю дорогу хотела с ним подружиться: перехватывала его взгляд и улыбалась ему. А он в ответ давился от хохота.

Конечно, у меня ведь дурацкая улыбка – до самых ушей. Поэтому и уши я тогда прятала под волосами.

Когда мы подошли к классу, Рыжий не выдержал, сорвался вперед, влетел в дверь и заорал: «Ребята! У нас такая новенькая!..» – и зашелся хохотом.

Ну, после этого я застыла на месте. Можно сказать, одеревенела. Со мной так часто бывало.

Рыжий вылетел обратно, схватил меня за руку, втащил в класс и снова загоготал. И каждый на его месте сделал бы то же самое.

Может, я на его месте вообще умерла бы от хохота. Никто ведь не виноват, что я такая нескладная. Я и на Рыжего не обиделась и даже была ему благодарна, что он втащил меня.

Правда, как назло, я зацепилась ногой за дверь, врезалась в Рыжего, и мы оба рухнули на пол. Платье у меня задралось, портфель вылетел из рук.

Все, кто был в классе, окружили меня и с восторгом рассматривали. А я встала, и улыбочка снова растянула мой рот – не могу, когда меня в упор разглядывают.

Валька закричал:

«Рот до ушей, хоть завязочки пришей!»

Васильев засунул пальцы в рот, растянул губы, корчил страшные рожи и кричал:

«Я тоже так могу! У меня тоже рот до ушей, хоть завязочки пришей».

А Лохматый, давясь от смеха, спросил:

«Ты чья такая?»

«Бессольцева я... Лена». – И я снова по-дурацки улыбнулась.

Рыжий в восторге закричал:

«Ребята!.. Это же внучка Заплаточника!»

Ленка оборвала свой рассказ и покосилась на Николая Николаевича.

– Ты давай, давай, не смущайся, – сказал Николай Николаевич. – Я же тебе говорил, как я к этому отношусь. В высшей степени снисходительно и совсем не обижаюсь.

– Ну а я-то об этом не знала, – продолжала Ленка. – И вообще про твое прозвище не знала... Ну, не была готова... «Мой дедушка, – говорю, – Заплаточник?.. За что вы его так прозвали?..»

«А чего плохого? – ответил Лохматый. – Меня, например, зовут Лохматый. Рыжего – Рыжий. А твоего деда – Заплаточник. Звучно?»

«Звучно», – согласилась я.

Я подумала, что они веселые и любят пошутить.

«Значит, вы хорошо знаете моего дедушку?» – спросила я.

«А как же, – сказал Лохматый. – Он у нас знаменитый».

«Да, да... очень знаменитый, – подхватил Валька. – Как-то в личной беседе я спросил твоего дедушку, почему он не держит собак. И знаешь, что он мне ответил? „Я, говорит, не держу собак, чтобы не пугать людей“».

Я обрадовалась:

«Вот, – говорю, – здорово».

И другие ребята тоже подхватили:

«Здорово, здорово!»

«Мы эти его слова всегда помним, – продолжал Валька, – когда яблоки в его саду... Ну, как это называется?..»

«Собираем», – подхватил Рыжий.

Все почему-то снова захохотали.

Ленка вдруг замолчала и посмотрела на Николая Николаевича.

– Вот дура какая, – сказала она. – Только сейчас поняла, что они надо мной смеялись. – Ленка вся вытянулась, тоненькая, узенькая. – Мне надо было тогда тебя защитить... дедушка!

– Ерунда, – ответил Николай Николаевич. – Мне даже нравилось, что они у меня яблоки таскали. Я за ними часто подглядывал. Они шустрили по саду, бегали пригнувшись, набивали яблоки за пазуху. У нас с ними была вроде как игра. Я делал вид, что не вижу их, а они с отчаянной храбростью таскали яблоки, можно сказать, рисковали жизнью, но знали, что им за это ничего не будет.

– Ты добрый! Я и тогда им ответила, что ты добрый.

А Попов сказал:

«Моя мамаша ему на пальто пришивала заплатки. Говорит: „Вы же отставной офицер. У вас пенсия. Вам неудобно с заплатками“. А он – это, значит, ты, дедушка, – „У меня лишних денег нет“».

«Ну ты, Попов, даешь! – крикнул Рыжий. – Ты что же, думаешь, что он жадный?»

А Валька подхватил:

«Он жадный?! Он моей бабке за картину отвалил триста рублей. Это, говорит, картина моего прапрапрапра...»

Все развеселились и стали выдумывать, кто что мог:

«Бабушки!»

«Тетушки!»

И тут я стала хохотать. Правда, смешно, что они нашего прапрадедушку переделали в прабабушку и в пратетушку? – спросила Ленка у Николая Николаевича. – Хохочу я и хохочу, никак не могу остановиться. Я если хохочу, то обо всем забываю.

Ленка неожиданно коротко рассмеялась, будто колокольчик звякнул и упал в траву, и снова жала губы.

– Это раньше я обо всем забывала, – поправилась Ленка и с угрозой добавила: – А теперь... – Она замолчала.

Николай Николаевич терпеливо ждал продолжения ее рассказа. Он дал себе слово не перебивать ее. Да и самому ему хотелось разобраться во всей этой истории. И слушать Ленку было легко, потому что переливы ее голоса, выражение глаз, которые то затухали, как облитые водой горящие угли, то вновь пламенно и неожиданно вспыхивали, завораживали его.

За всю свою долгую жизнь Николай Николаевич не видел подобного лица. От него веяло таинственной силой времени, как будто оно пришло к нему через века. Он это ощущал остро и постоянно.

А может быть, это чувство возникло у него после появления в доме «Машки»?

– Вообще-то я никогда бы не кончила смеяться, если бы не Валька, – снова заговорила Ленка. – Ему было смешно, что ты купил у его бабки картину за триста рублей.

«Бабка, говорит, от радости чуть не померла. Думала, получит двадцатку, а он ей триста!...»

Валька подбежал к доске и нарисовал квадрат, не больше портфеля.

«Вот за такую махонькую картинку – три сотни! – визжал Валька. – А на картинке была нарисована обыкновенная тетка с буханкой».

– «Женщина с караваем хлеба», – строго и многозначительно вставил Николай Николаевич.

– Я-то знаю, ты не волнуйся, я-то знаю все твои картины, – оправдывалась Ленка и продолжала.

«И еще передай своему деду, – закричал горластый Валька, – что мы его поздравляем, что у него такая внучка... Ну точно как он!»

«Они с Заплаточником – два сапога пара!» – вставил Рыжий.

А я почему-то подхватила:

«Правильно, мы с дедушкой два сапога пара!»

Николай Николаевич совершенно отчетливо представил себе, как Ленка, вероятно от растерянности, выкрикнула эти слова. И, как бы радуясь им, она подпрыгнула на месте и завертела головой, как попугайчик, и уголки губ у нее закрутились вверх. Ему нравилась ее беспомощная и открытая улыбка. А для них это потеха – и только.

– Лохматый так и крикнул:

«По-те-ха! Ну и потешная ты, Бессольцева Лена!»

А Рыжий, разумеется, подхватил:

«Не потешная она. А чучело!»

«Огородное!» – захлебнулся от восторга Валька.

Конечно, они стали хохотать над Ленкой, выкаблучиваясь каждый на свой лад.

Кто хватался за живот, кто дрыгал ногами, кто выкрикивал: «Ой, больше не могу!»

А Ленка, открытая душа, решила, что они просто веселились, что они смеялись над ее словами, над ее шуткой, а не над нею самою.

Ленка заметила, что Николай Николаевич как-то подозрительно притаился, словно его что-то не устраивало в ее рассказе.

– Дедушка, ты меня не слушаешь? – спросила она дрогнувшим голосом. – А почему?

Николай Николаевич смущенно поднял на нее глаза, не зная, как поступить, – и правду ему говорить не хотелось, чтобы лишний раз не огорчать Ленку, и врать было трудно.

– Не отвечай! – Ленку как молнией пронзило: она обо всем догадалась. – Тебе меня жалко стало? Да? Они надо мной смеялись? Да?.. Уже тогда? – Она жалобно улыбнулась: – Подумать только, а я не догадалась. Все приняла за чистую монету... Точно. Смеялись. Я вижу, вижу себя со стороны – ну просто я была какая-то дурочка... – И тихо добавила: – Правда, дурочка с мороза.

Вдруг она повернулась к Николаю Николаевичу всем корпусом, и он увидел ее большие печальные глаза.

– Дедушка! Милый! – Она схватила его за руку и поцеловала ее. – Прости меня!..

– За что? – не понял Николай Николаевич.

– За то, что я им верила, а они над тобой смеялись.

– Разве ты в этом виновата? – сказал Николай Николаевич. – Да и они не виноваты, что смеялись надо мной. Их можно только пожалеть и постараться им помочь.

– Может быть, ты их любишь? – Ленка с подозрением посмотрела на Николая Николаевича.

Тот ответил не сразу – помолчал, подумал, потом сказал:

– Конечно.

– И Вальку? – возмутилась Ленка. – И Рыжего, и Лохматого?!

– Каждого в отдельности – нет! – У Николая Николаевича от волнения перехватило горло, и он задохнулся. – А всех вместе – да, потому что они – люди!

– Если ты будешь психовать, – сказала Ленка, – то я перестану рассказывать.

– Да я не психую! – рассмеялся Николай Николаевич. – Подумаешь, даже задохнуться разок нельзя. А ты давай, давай дальше, я слушаю.

– Ну, в общем, когда Рыжий обозвал меня чучелом, – сказала Ленка, – то его кто-то сильно толкнул в спину... и я увидела впервые Димку Сомова... Знаешь, он меня сразу удивил.

Глаза синие-синие, а волосы белые. И лицо строгое. И какой-то он весь таинственный, как «Уснувший мальчик».

А Рыжего он толкнул сильно, тот врезался в пузо верзилы Попова и бросился на Димку. Я хотела крикнуть, чтобы они не дрались из-за меня. Ну пусть я чучело, ну и что?.. Но они уже сцепились.

Я зажмурилась. Я всегда так делала, когда начиналась драка. Я же тебе главного не сказала: я раньше трусихой была. Когда пугалась, то у меня отнимались ноги и руки. Пошевелиться не могла, как неживая.

Только драки никакой не вышло. Я услышала спокойный голос Димки:

«Сам ты чучело, и не огородное, а обыкновенно-рыжее».

Я открыла глаза. Оказалось, Димка одной рукой скрутил Рыжего и держал его крепко. А тот и не думал вырываться, скорчил рожу и крикнул:

«Я обыкновенно-рыжее чучело!»

Над ним все стали смеяться, и он сам над собой смеялся громче всех. Да ты же его видел, дедушка! – сказала Ленка. – Правда, он смешной?.. Ну просто цирковой клоун – ему и парика не надо, он же от рождения рыжий!

В тот момент, когда мы смеялись над Рыжим, вбежала веселая Маргарита. В одной руке она держала классный журнал, а в другой сверток в цветном полиэтиленовом мешочке.

«А, новенькая! – Она увидела меня. – Куда же тебя посадить?»

Она пошарила глазами по рядам парт... и забыла про меня, потому что девчонки обступили ее и спросили, правда ли, что она выходит замуж. Маргарита ответила, что правда, засияла от счастья, торопливо разорвала мешочек, вытащила коробку конфет, открыла и поставила на стол.

«От него?» – прошептала догадливая Шмакова.

«От него. – Маргарита еще больше расцвела. – Угощайтесь». – И сделала величественный жест рукой.

Все повскакали со своих мест и стали хватать эти конфеты и засовывать в рот. А Маргарита говорила:

«По одной! По одной! А то всем не хватит».

Я тоже схватила конфету.

А Шмакова сунула одну конфету в рот, а вторую отдала Димке. Ну и галдеж поднялся!

А девчонки забрасывали счастливую Маргариту вопросами:

«Маргарита Ивановна, а кто ваш муж?»

«А у вас есть его фотокарточка?»

«А он живет в Москве?»

И тут в дверях появилась Миронова.

Миронова у нас особенная, у нее очень сильная воля.

«Что вы тут шумите после звонка?» – спросила Миронова.

«Мы конфеты едим!» – крикнула Шмакова.

«Во время урока?» – ехидно заметила Миронова и прошла на свое место.

Шмакова протянула ей конфету:

«Возьми и успокойся. Сама опоздала и еще выставляется».

«Тихо! – сказала Маргарита. – Миронова права. По местам!»

И все пошли по своим местам, а про меня Маргарита так и не вспомнила, и я не знала, куда мне сесть, остановилась около Димки и уставилась на него. Ну, у меня привычка такая: если мне кто-нибудь нравится, то я смотрю на него, смотрю, хотя знаю, что это неловко. Он на меня раз посмотрел, второй, а потом спросил, что мне надо.

А я ляпнула:

«У тебя место свободное?»

«Занято».

Ну, думаю, влипла, сейчас он начнет надо мной смеяться. А он вдруг улыбнулся и спросил:

«А что?»

«Хотела сесть к тебе, – ответила я, а так как он все еще продолжал улыбаться, то во мне какая-то храбрость появилась от его доброты, и я сказала: – Ты же меня спас».

По-моему, ему мои слова понравились, потому что он сказал:

«Ну что ж, сейчас попробуем. – И громко крикнул: – Шмакова, новенькая твое место хочет занять!»

Шмакова услышала Димкины слова и здорово рассердилась. Она посмотрела в нашу сторону, потом медленно направилась к нам. Она приближалась, приближалась, и я видела, как у нее в глазах прыгали злые огоньки. Тут я испугалась. Я ведь не хотела, если место занято. А Шмакова подошла к нам, смерила меня презрительным взглядом и отвернулась. Конечно, она же красавица! А я? – Ленка безнадежно махнула рукой.

– Ты тоже хоть куда, – посчитал своим долгом вмешаться Николай Николаевич.

– Да брось ты меня успокаивать, – возмутилась Ленка. – Она же настоящая красавица! Платье у нее новенькое и сшито по фигуре. А у меня... какой-то маскировочный халат.

– Маскировочный халат?.. – удивленно переспросил Николай Николаевич. – Это, пожалуйста, моя вина. Я не учел, что платье должно быть по фигуре. Извини. – И почти выкрикнул: – Зато у тебя глаза вдохновенные! И сердце чистое. Это посильнее, чем платье по фигуре.

– Не хвали меня, пожалуйста, – сказала Ленка. – Я ведь плохая. Я на самом деле – предательница!.. Я это сейчас, сейчас поняла до самого доньшка.

Ленка замолчала. Николай Николаевич терпеливо ждал, когда она снова заговорит. В комнату в который раз ворвалась бесшабашная музыка: это все еще гуляли на дне рождения Димки Сомова. Они плясали, кричали, пели, а здесь, в доме у Бессольцевых, сидели два понурых человека, которые не знали, что им делать дальше и как им теперь жить.

– Ну, и что там произошло со Шмаковой? – прервал молчание Николай Николаевич.

– Со Шмаковой? – переспросила Ленка. – Ничего особенного не произошло – она уступила мне место. «Уступаю, – говорит, – тебе мое место с большим удовольствием. – И схватила портфель. – Мне, – говорит, – здесь надоело. Парта какая-то кособокая. И вообще, я люблю перемену мест. Так что, Димочка, чао какао! – А на прощание наконец посмотрела на меня, как будто только что заметила, презрительно фыркнула и тихо сказала: – Ну и чучело!»

Попов заорал, чтобы Шмакова села к нему, и та бросила ему портфель, а он его поймал, – вот с этого момента он стал ее рабом.

Тут Маргарита объявила, что наша школа едет на осенние каникулы на экскурсию в Москву.

«Значит, мы поедем вместе?» – выскочила догадливая Шмакова.

«Вместе, вместе. – Маргарита улыбнулась. – Так что берите у родителей деньги и приносите».

По этому поводу раздался такой вопль восторга, что Маргарита рассмеялась и зажала уши руками, чтобы не оглохнуть. Ну конечно же, всем хотелось поехать на каникулы в Москву.

И я завопила, но потом осеклась, потому что Димка встретил это известие хладнокровно. А когда все замолчали, он вздохнул тяжело и сказал:

«Опять на родительские... Надоело».

«Что же ты предлагаешь? Не ездить в Москву?» – спросила Маргарита.

«Нет, он этого не предлагает, – вмешалась Миронова. – Но он не знает, что он предлагает».

«Прекрасно он знает, – раздался ласковый голосок Шмаковой. – Это он перед новенькой выставляется».

Все, конечно, тут же захихикали.

Маргарита одернула Шмакову, а я, если честно, была почему-то рада ее словам... Ну, в общем, не почему-то, а потому, что она сказала, что Димка передо мной выставляется.

А когда в классе снова наступила тишина, то Димка встал, победно оглядел ребят и сказал:

«Давайте на поездку заработаем сами!»

Тут меня словно подбросило, прямо не знаю почему. Я вскочила и заорала:

«Маргарита Ивановна! Маргарита Ивановна! Можно я скажу?»

Ох и видик у меня был, наверное, – восторженная дурочка. Но я о себе и не думала, у меня на душе было хорошо, и хотелось сказать всем что-нибудь необыкновенное.

«Мне дедушка много рассказывал про ваш город... У вас город особенный, старинный... Приедешь – навсегда останешься... Не променяешь ни на какие золотые горы. Правда, здесь хорошо! И вы все такие хорошие! И предложение Сомова я поддерживаю!...» – Я улыбнулась Димке и наконец уселась.

«Ну, Сомов у нас, как всегда, молодец! – сказала Маргарита. – Мне его идея тоже очень понравилась... Конечно, вы уже взрослые ребята и вполне можете поработать, – продолжала она, – я вам, пожалуй, помогу. Только... не подведете?..»

Тут все закричали:

«Что вы, Маргарита Ивановна! Вы только договоритесь!»

«Мы будем работать дни и ночи!»

«С утра до утра!..»

И мы стали работать. Ходили в совхоз на сбор поздних огурцов и капусты. Ты не думай, мы не только за деньги работали. Мы и бесплатно. Например, в детском саду. И городской сквер убирали... Правда, это не всем понравилось. Может быть, именно из-за этого у нас и началась ссора. Валька, к примеру, как только мы шли на бесплатную работу, всегда убегал. Один раз в воскресенье рано утром Маргарита привела нас в совхозный сад на уборку осенних яблок.

Все ребята пришли в резиновых сапогах, а я в туфлях – они сразу промокли от мокрой травы.

Димка заметил это, снял сапоги, протянул мне и сказал, чтобы я переобулась. Вот был моментик – он стоял босой на мокрой, холодной траве и протягивал мне сапоги с шерстяными носками. Я не решалась их взять.

Ребята окружили нас и открыли рты от удивления.

«Во Сомов дает!» – засмеялся Лохматый.

«Лыцарь!» – подхватил Валька.

«Львиное Сердце!» – вставил Рыжий и зашелся мелким смехом от собственного остроумия.

«Долго мы еще будем стоять и женихаться? – вдруг зло оборвала их Шмакова. – Мы пришли, кажется, работать. Ведь так, Димочка?..»

Кое-кто снова захихикал, а Димка не обратил на это никакого внимания, бросил мне сапоги и ушел.

Я натянула Димкины носки – они были еще теплые от его ног – и влезла в сапоги.

– Знаешь, дедушка, как мне было весело! – Ленка рассмеялась. – Весело-весело! Может, оттого, что Димка отдал мне сапоги? – Она хитро посмотрела на Николая Николаевича. – Нет, пожалуй, просто оттого, что в саду было очень красиво.

Второй раз за этот день Николай Николаевич услышал ее смех. Ему нравилось, что она забыла про то, что эти ребята прозвали ее чучелом, что бросила в него портфелем только за то, что он предложил ей вернуться в школу... Она все-все забыла и снова была счастливой.

Ленка все еще смотрела куда-то вдаль, заглядывая в свое недавнее прошлое, которое ей явно было по душе.

Перед нею возникла чудная картина... Сад, увитый паутиной. Сотни кружевных гамаков, гамачков, подвесных дорог сплелись между яблонь, лежали в траве и накрывали кустарник.

Ребята разбежались по саду, и каждый кричал, что у него самая интересная паутина. Их голоса, наподобие птичьих, радостно и возбужденно звенели среди деревьев.

Потом все стали собирать яблоки. И Ленка собирала, а сама все время исподтишка следила за Димкой: как он ловко лазал по деревьям, как смело прыгал, как быстро пробежал из одного конца сада в другой в ослепительных красноватых лучах солнца.

Они работали до самого обеда. А в конце работы развели костер и пекли яблоки.

Рыжий – на спор – голыми руками вытаскивал из огня девочкам печеные яблоки...

– А потом, дедушка, случилась странная-странная история. Помнишь, мы работали на фабрике детской игрушки?.. Ну, мы там из папье-маше клеили морды зверей.

Николай Николаевич кивнул.

– Так вот, тогда на фабрике я впервые поняла, что люди не все одинаковые. Да, да, не улыбайся. Я вдруг увидела, что то, что для меня хорошо, для Шмаковой, например, смешно, а для Мироновой просто глупо. Я должна была насторожиться, но я не обратила на это никакого внимания! – Выражение лица у нее было до крайности удивленное. – Ну, слушай дальше, что из этого вышло... – Ленка возбужденно вздохнула и продолжала: – Мы уже кончили работу. Я доклеила морду зайца, хотела для просушки поставить ее среди остальных на полку, которая тянулась вдоль стены, а потом передумала и примерила морду на себя.

В это время вернулся Димка – он ходил получать деньги за нашу работу, – ну и все, конечно, бросились на него:

«Ну как, получил?»

«Сколько?»

«Выкладывай! Не томи! Душа горит!»

Они его толкали, пытаясь влезть к нему в карман, приставали, канючили.

«Рыжий! Тащи копилку!» – закричал Димка, отбиваясь от наседавших ребят.

У нас в это время была уже копилка – такая здоровая зеленая кошка с дыркой в голове.

Рыжий поставил перед Димкой копилку... и началось!

Димка полез в карман, долго что-то там колдовал, наконец выхватил руку, помахал над головой красненькой десяткой и бросил ее в копилку.

«Свои!» – заорал Лохматый.

«Пять рублей!» – крикнул Димка и снова опустил их в копилку.

«Кровные!» – восхищался Рыжий.

«Трудовая копеечка!» – поддакнул ему Попов.

Димка поднял над головой еще десятку и помахал ею в воздухе.

Ленка показала, как Димка помахал деньгами. Ей не сиделось, она вскочила, каждая жилка на ее лице трепетала от восторга.

Он крикнул:

«Десятка!» – И бросил их в копилку.

«Ух!» – ухнули все хором.

Рыжий попросил у Димки, чтобы тот дал ему бросить монету в копилку. Димка дал ему рубль, и Рыжий бросил.

И тогда все закричали:

«И мне! И мне! И мне!»

И он всем давал, и все по очереди бросали.

А потом Димка протянул рубль мне и сказал:

«Брось и ты, заяц».

А я от радости, что он мне дал этот рубль, так схватила его, что он разорвался пополам – половинка осталась у Димки, половинка у меня.

«Вот разиня! – возмутился Валька. – Это же деньги. Их рвать не надо!»

Я испугалась и не знала, что делать. Но Димка, как всегда, пришел мне на помощь.

«Ничего, – успокоил он всех, – потом склеим. Бросай, заяц, обе половинки!»

Я бросила.

«И кончай работу! – приказал Димка. – Давайте халаты».

Ребята сняли халаты и побросали их Димке.

«А тебе, заяц, как самому храброму, я поручаю охрану этого замечательного сундука с драгоценностями», – сказал Димка, протянул мне копилку, а сам ушел относить халаты.

Я схватила копилку и закричала:

«Я храбрый заяц! Самый храбрый на свете заяц!»

Рыжий надел морду тигра и зарычал на меня:

«Ры-ы-ы!»

«Ой, не боюсь! Ой, не страшно!» – Я оттолкнула Рыжего.

А Шмакова нацепила морду лисицы и пропела тоненьким голоском:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим! Мы у тебя сундучок с драгоценностями отнимем!» – И она ущипнула меня.

Я не ожидала этого – мы ведь играли – и крикнула:

«Ты чего больно щиплешься?..»

«А если не больно, то зачем же щипаться!» – рассмеялась Шмакова.

А в это время другие ребята тоже нарядились в маски зверей, и меня уже плотным кольцом окружили морды волков, медведей, крокодилов. Они прыгали, рычали, насакивали на меня и рвали из рук копилку. А какой-то медведь – по-моему, это был Попов – крикнул, как Шмакова:

«Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим!»

Волк – Валька несколько раз сильно дернул меня за косу. А я испугалась по-настоящему, как будто меня окружали не люди, а настоящие звери.

«Не надо! Хватит!» – Я хотела снять маску, но у меня ничего не получалось, потому что они беспрерывно меня толкали.

«Попался, зайчишка!» – пропела Шмакова.

«Мы тебя, заяц, задерем!» – завопил Лохматый и крутнул меня.

«Ры-ы-ы!» – дурным голосом прорычал Рыжий.

«Димка-а-а!» – закричала я и грохнулась на пол, потому что у меня закружилась голова. Димка вбежал и спросил, чего я кричу. А я ему ответила, что испугалась.

«Кого?» – не понял Димка.

«Всех... зверей», – ответила я.

«Подумаешь, и поиграть нельзя», – сказал Валька.

«Зайка серенький... Зайка беленький... Мы тебя задерем!» – хихикнула Шмакова. – Какая нервная!»

«Чепуха!» – мрачно заявила Миронова. – Просто кривляется. Пошли, ребята!..»

И вся компания удалилась вслед за Железной Кнопкой, вполне довольная собой.

А мне еще долго мерещилось, что Шмакова похожа на лису, Лохматый – на медведя, а Валька – на волка.

Мне было стыдно, что я так думала про ребят. Поэтому я догнала их на улице и всех угостила мороженым на свои деньги. И рассказала Шмаковой под честное слово свою тайну, что Димка похож на «Уснувшего мальчика».

Она была очень довольна, хохотала и клялась, что никому не скажет, но мне почему-то казалось, что голос у нее был похож на тот, когда она пела: «Зайка серенький, зайка белень-

кий...» Шмакова – лиса. Настоящая. И я подумала, что зря ей все рассказала... Ну ты же ее видел, дедушка. Правда, она лиса? А я тогда и не знала, что есть люди – лисы, медведи, волки...

После я спросила у Димки:

«Ты меня осуждаешь, что я испугалась ребят на фабрике?»

«Что ты, – ответил он. – Испугаться каждый может».

– Вот видишь, какой Димка был человек – добрый, – сказала Ленка. – А потом он себя еще отчаянным храбрецом показал. Было это так...

Мы возвращались с Димкой домой. И вдруг увидели Вальку. Он бежал трусцой нам навстречу, на поводке тянул собаку, маленькую такую, на кривых ногах и с большими лохматыми ушами.

Валька заметил нас и нырнул за угол. Димка бросился за ним, а я за Димкой. Валька прижался к стене и смотрел на нас какими-то странными глазами.

«Какая у тебя собака хорошая. – Я погладила ее. – Только что это ее так колотит? Заболела она, что ли?»

Валька не успел мне ответить, потому что Димка вцепился в него, вырвал собаку и выпустил.

«Мой поводок! – заорал Валька, вырываясь из Димкиных рук. – Петька!.. На помощь!»

Я не поняла, почему Димка так ошалел и почему Валька кричал «поводок» и звал на помощь какого-то Петьку.

Петька, старший брат Вальки, тут же появился. Он здоровый, ему скоро в армию. Я его сразу узнала, он шофер с уборочной машины.

А Валька, как увидел Петьку, заорал еще сильнее:

«Петька, он мою собаку с поводком упустил!»

Петька подтянул Димку к себе и вежливо сказал:

«Ты уж извини, дружок, но я должен сделать тебе больно. Ты сам заслужил».

И он так звезданул Димке по скуле, что тот пролетел мимо меня и шлепнулся на землю.

«Заработал? – захохотал Валька. – Знай наших».

«Всего доброго, дети», – сказал Петька.

Они ушли не оглядываясь. А я не бросилась за ними, не вступилась за Димку, не позвала на помощь. Вот стыдно!

Ленка посмотрела на Николая Николаевича.

– Я же тебе говорила, что раньше была трусихой. Это я теперь ничего не боюсь. Никогда больше не отступлю. Никогда! Ни перед чем. А тогда я задрожала и подошла к Димке, когда Валька и Петька уже совсем скрылись.

Другой бы на месте Димки обиделся, а Димка нет.

«А я опять струсила», – созналась я.

«Ничего. Смелость дело наживное. – Димка потер ушибленное место. – Я у него, подлеца, третью собаку отбиваю! Он их на живодерню поштучно за рублевку сдает».

«Ну и тип этот Валька! С тех пор как он на меня в волчьей морде напал там, на фабрике, он мне все время кажется волком», – призналась я Димке.

«Ну, это уж слишком», – ответил он.

«Волк он, волк, – крикнула я, – раз для него самое главное – деньги!»

«А Петька похлеще Вальки, – сказал Димка. – Рыбу на реке глушит».

«Жалко, – сказала я. – Я думала, вот стоит городок восемьсот лет, и все в нем хорошие... А Валька – живую жизнь своими руками на живодерню. Я про таких только читала. А ты, Димка... ты просто герой!»

Я правда думала, что он герой. А он смутился:

«Да брось ты!..»

«Нет, ты настоящий герой. Самый настоящий! – Потом вдруг набралась храбрости и спросила: – Можно, я буду с тобой дружить?..» – А сама даже испугалась собственной храбрости.

«Ну давай», – согласился Димка.

А я спросила его:

«На всю-всю жизнь?»

«Ну давай», – улыбнулся он.

– От восторга я... – Ленка на мгновение замолчала, – ну, в общем, поцеловала его в щеку. Просто от восторга, что он герой и что он теперь будет моим самым надежным и близким другом. Дедушка, я так тогда была рада! – Глаза у Ленки стали восторженными, голос громким. Она когда восторгалась чем-нибудь, то переставала стесняться, совсем не контролировала себя, и это ее свойство тоже очень нравилось Николаю Николаевичу. – А когда я его поцеловала, то и совсем не испугалась, а, представляешь себе, весело рассмеялась.

Он очень удивился:

«А это еще зачем?»

«Так женщины, – говорю, – раньше благодарили рыцарей. – Я веселая была в тот момент и даже забыла, что у меня „рот до ушей, хоть завязочки пришей“. – А ты, Димка, рыцарь, ты же спас от Вальки собаку и меня. И она сейчас, счастливая, рассказывает всем собакам города: „Ну и Сомов – молодец!“»

В это время у меня над ухом раздался свист и хохот.

Я оглянулась – перед нами стояли Петька и Валька. У них на поводке болтался тот же самый несчастный лопоухий пес, которого спас Димка. Оба, довольные, хохотали, что снова поймали несчастную собаку и к тому же подслушали наш разговор. Волки, волки, а не люди!

Я им прямо в лицо крикнула:

«Это нечестно!.. Подслушивать...»

«Барышня обиделась», – сказал Петька и сделал грустное лицо.

«А ты, лыцарь, не обиделся?» – спросил Валька у Димки и нахально толкнул его плечом. При Петьке он был большой храбрец.

А Димка как бросился на Вальку! Даже Петьки не испугался. Вот какой он был раньше! Только Петька перехватил его, поднял над землей, и Димка повис в воздухе, болтая ногами, – Петька ведь здоровый, на две головы выше Димки, – и процедил, ну почти пропел сладким голосом, как Шмакова:

«Давай, дружок, еще раз поцелуемся. – Захватил его лицо громадной ладонью, повертел голову, словно хотел ее отвинтить. Димка задыхался, потому что Петька закрыл ему ладонью рот и нос. – И прошу тебя, дружок, – пел он дальше, – не разглашай нашей маленькой тайны про эту собачку. Договорились?..»

«Договорились», – промычал Димка сквозь пальцы Петьки, стараясь разжать железные тиски его ладони.

«Ну, я рад, что ты все правильно понял», – ухмыльнулся Петька.

И, волоча собаку под смех и выкрики Вальки, они снова ушли. А собака отчаянно упиралась, мотала головой и подымала пыль своими ушами. Мне ее так было жалко.

Димка покосился на меня, погрозил кулаком вслед братьям и крикнул – почему-то негромко:

«У-у-у, Валька!.. Только сунься в школу!.. – А когда они отошли совсем далеко, он чуть прибавил голос: – Живоде-ры-ы!»

А я сложила руки рупором, чтобы было громче слышно, и заорала:

«Жи-во-де-ры-ы-ы!»

Петька остановился и посмотрел в нашу сторону... Нас как ветром сдуло, потому что Димка схватил меня за руку и мы убежали. А я расхрабрилась и говорю:

«Правда, он услышал, как я кричала?»

«Услышал, – ответил Димка, – но понимаешь, с этим надо быть поосторожней. Мы что?.. А он – что?!»

«Он здоровый», – вздохнула я.

«Значит, не надо лезть на рожон».

– Дедушка, – сказала Ленка, – ты представляешь, какая я была дура. Представляешь?! Я ему поддакнула. И вообще я все время ему поддакивала!.. Я знаю теперь: поддакивать – это плохо...

Глава шестая

Шестой класс дружной оравой ворвался в физический кабинет во главе с Димкой, который на ходу размахивал копилкой с деньгами.

Он теперь везде и всюду был первым. Ему уступали дорогу, заглядывали в рот, когда он что-нибудь говорил, у него спрашивали совета по любому поводу. Ему верили, его любили – ведь он их сделал самостоятельными людьми. Все старшеклассники и даже выпускники ехали в Москву на родительские деньги, а они, благодаря Димке Сомову, на собственную трудовую копеечку.

И вот они, веселые, милые, беззаботные, ворвались в физический кабинет, чтобы отсидеть свой последний урок... А потом каникулы – и Москва!.. И прочитали на доске объявление, написанное Маргаритой Ивановной, что вместо урока физики будет литература. Развернулись, чтобы идти в другой кабинет, но столкнулись в дверях с Лохматым и Рыжим. Лохматый, хвастаясь своей богатырской силой, один втолкнул всех обратно в класс. И кто-то упал, а девчонки запищали. Лохматый и Рыжий были очень довольны своей победой и орали, перебивая друг друга:

- Свобода-а-а!
- Физика заболела-а-а!
- Каникулы-ы-ы! Дашь кино!

Димка сказал, чтобы они не орали, а прочли, что написано на доске. Лохматый и Рыжий стали читать по складам объявление на доске.

- «Ре-бя-та!.. У вас-с-с бу-дет уррро-оккк, – читали они в два голоса, – ли-те-ра-ту-ры!..»

Когда они читали подпись Маргариты Ивановны – а она подписалась двумя буквами «М. И.», – то заблеяли овечками:

- Мээээ... Иииии...

Многим понравилось, как они читали, и со всех сторон понеслось блеяние:

- Мэ-э-э-э!
- И-и-и-и!
- Мэргэритэ-э-э! Ивановнэ-э-э!

- А после уроков у нас работа в детском саду, – объявил Димка, – шефская.

- Какая еще работа, – сказал Рыжий. – Завтра же каникулы!..

– А мне родители вообще запретили работать, – пропела Шмакова. – Они говорят: «Лучше учись, а работать будем мы».

- Мы еще только растем! – писклявым голоском вставил Рыжий.

- У нас слабый организм! – рявкнул басом Лохматый.

Они хохотали над собственным остроумием.

– Ничего, поработаете. Нас там ждут, – снова начал Димка. – А вы, друзья-товарищи, – сказал он Лохматому и Рыжему, – если не нравится, валите отсюда! А мы дали обещание и выполним его.

- Димочка хочет главным быть, – сказала Шмакова. – Начальник!

- Точно! – захохотал Попов, заглядывая Шмаковой в лицо. – Ребя! Димка – начальник!..

– А мы его сейчас по шапке. – Лохматый подошел к Димке. – Надоел ты нам, Сомов, со своей копилкой... – Оглянувшись на класс: – Верно я говорю?

- Ох как верно! – простонал Рыжий. – В самую точку.

Димка растерялся. Он никак не ожидал такого натиска. Он привык, что ему все смотрят в рот. А тут вдруг бунт! В это время в дверях появился Валька. Он облокотился плечом о косяк двери и небрежно объявил:

- Я не ломовая лошадь, чтобы бесплатно вкалывать. У нас государство богатое.

– Явился наконец! – Димка оживился. – Ребята, а вы знаете, чем занимается наш Валька? Тихо!.. Сейчас я вас удивлю!

Но тут за Валькиной спиной выросла голова, прикрытая кепкой. Это был сам страшный Петька.

– Валечка, – сказал он, – я тебе портфель принес. – Он протянул Вальке портфель и прошел вихляющей походкой к учительскому столу. – Здравствуйте, дорогие дети!.. – Повернулся к Димке, потрепал его рукой по щеке. – И ты, дружок, повторно здравствуй. – Он тяжело вздохнул: – Подслушивать, конечно, нехорошо, но я слышал ваши разговоры и понял ваши разногласия... Оказывается, некоторые из вас стремятся работать, в то время как большая часть коллектива желает участвовать в культурно-массовом развлечении, то есть посетить местный кинотеатр. Я думаю, что меньшинство должно уступить. Таков закон коллектива. Так что ваша проблема – сущий пустяк.

Он повернулся к доске и, что-то напевая себе под нос, стер объявление Маргариты.

– Вот вы и свободны. Как ветер!.. Как моторная лодка, у которой мотор мощнее, чем у рыбоохраны... Будьте счастливы, дети! А ты, дружок, – сказал он Димке, – не обижай, пожалуйста, моего меньшого. – Он погрозил Димке пальцем, улыбнулся всем и ушел.

Ленка думала, что Димка тут же бросится на Вальку и всем все расскажет, но он почему-то промолчал.

И тут Рыжий в полной тишине неуверенно произнес:

– А может, правда какой-то неизвестный зашел и стер...

– Ну, ты – умный! – обрадовался Валька.

– Значит, мы этого не читали? – рассмеялась Шмакова.

– Ребя!.. Не читали и не слыхали, – вставил Попов.

– А Попик у нас сообразительный стал! – хвастливо пропела Шмакова. – Моя школа...

– Мы же тогда Маргариту подведем! – пробовал остановить их Димка.

– Заткнись, подпевала! – заорал Валька. – Даешь кино-о!

Ребята повскакали со своих мест и бросились к дверям:

– В кино! Даешь кино-о-о!

Димка загородил им дорогу, но они смели бы его, им так хотелось в кино, если бы не крик Васильева:

– А у меня нет денег!

Вот тут-то по-настоящему все и началось. Димка почему-то вдруг забыл, что он только что, вот сию минуту, сам не пускал всех в кино, вырвался на середину класса и радостно закричал:

– Васильев! Я тебе одолжу!.. И всем одолжу, у кого нет... – Голос у Димки звучал звонко. – Значит, легенда такая – мы пошли провести большую физичку!

– У-у-у, Сомов – голова! – восхитился Рыжий. – Навестим больную! Это по-нашему!

– Как тимуровцы! – захихикал Валька.

И Ленка тоже восторженно захохотала: ей понравилось, что Димка такой находчивый.

А он уже командовал, чтобы выходили из класса по двое. И первый рванулся к двери. За ним – Ленка. Она даже кого-то оттолкнула, чтобы не отстать от Димки.

И тут им в спину ударил резкий голос Мироновой:

– А я в кино не пойду!

– Ты? – переспросил Димка.

– Да, – ответила Миронова.

– Смотрите, она против всех! – удивился Димка.

– Против всех! – Глаза у Мироновой засверкали.

– А если мы тебя поколотим? – спросил Валька.

– Попробуйте, – ответила Миронова и гордо расселась на своей парте.

Все как-то сразу приумолкли – никто не решался поднять руку на Миронову. А Димка вдруг рассмеялся, и Ленка следом за ним, хотя и не знала, чего он смеялся. И многие другие рассмеялись, с надеждой глядя на Димку. Не зря же он смеялся. Значит, нашел выход из положения.

– А сила у нас на что, Лохматый? – спросил Димка.

– Сила – это главное! – восторженно ответил Лохматый, поднял Железную Кнопку на руки и под общий хохот вынес из класса...

Ленка испуганно взглянула на Николая Николаевича.

Она каждый раз так испуганно смотрела на него, когда искала помощи и поддержки, когда вспоминала что-нибудь такое, что теперь ей казалось ужасным. Робкий быстрый взгляд ее беспокойных глаз говорил Николаю Николаевичу: какая же я глупая, никчемная и жалкая... На лице Ленки опять жила ни на что не похожая, только ей одной данная, только от нее одной исходящая улыбка, Ленкина улыбка, которая сейчас просила за все прощения.

А тем временем события приобретали несколько иной разворот, чем об этом знала Ленка.

Дело в том, что Шмакова и Попов не пошли вместе со всеми в кино, а остались в классе. Они притаились за шкафом с приборами, а когда все убежали, вышли из укрытия.

И еще на учительском столе стояла копилка, забытая Димкой.

Шмакова, пританцовывая, ходила между партами – у нее было хорошее настроение. А Попов, как обычно, смотрел на нее во все глаза.

– Смотри, Димка забыл свой сундук с драгоценностями. – Шмакова подняла копилку. – Тяжелая. Если бы у меня было столько монет, я купила бы себе колечко. – Она повертела рукой, точно ее палец уже украшало желанное кольцо.

– А я бы купил мотоцикл и два шлема, – вякнул Попов.

– Неужели два? – спросила кокетливо Шмакова. – Зачем?.. – Хотя ей-то как раз было совершенно ясно, почему Попов мечтал о двух шлемах.

Попов смутился, но не ответил.

– А почему мы не пошли в кино? – спросил он, стараясь переменить тему разговора.

– Я не пошла потому, что не захотела, – сказала Шмакова.

– А я – как ты! – рассмеялся Попов.

– Послушай, Попов... Так зачем ты хотел купить два шлема? – Она чувствовала над ним свою силу, и ей нравилось им командовать.

Попова бросило в жар.

– Ну? – повелительно спросила Шмакова. – Ну что ты тянешь?

– Я... я... – выдавил Попов, пытаясь сознаться, и вдруг он услышал чьи-то спасительные шаги и прошептал: – Кто-то идет!

Шмакова ориентировалась сразу.

– Прячься! – приказала она Попову и сама влезла под парту.

Попов втиснулся рядом с нею.

В класс вошла Маргарита Ивановна, удивленно посмотрела на доску – от ее объявления осталась только подпись, две буквы: «М. И.».

Она медленно стерла их.

– Мы уже пересекли школьный двор, – рассказывала Ленка, – когда Димка спохватился, что забыл копилку.

«Деньги забывать нельзя, – сказал Валька. – А то их могут тю-тю!»

«Я сбегая!» – восторженно закричала я, рванулась, зацепилась ногой за ногу, грохнулась об асфальт и разнесла коленку в кровь.

«Вот недотепа, – сказал Димка. – Ждите меня за углом». – И побежал в школу.

«Не угодила», – хихикнул Валька.

«А мне не больно!» – сказала я назло Вальке, хотя от обиды и боли чуть не заревела.

«Ты сходи в медпункт», – предложила Железная Кнопка.

Прихрамывая, я заковыляла к школе. Кто-то рассмеялся мне вслед – так я ковыляла, а мне было стыдно своей неловкости, и поэтому я тоже рассмеялась и захромала еще сильнее, чтобы посмешить всех.

Когда я проходила мимо физического кабинета, то услышала голоса Маргариты Ивановны и Димки и в ужасе остановилась. Значит, Димка попался.

«Ты почему вернулся один? – спросила Маргарита. – А где же остальные?»

«Ушли, – ответил Димка спокойно. – Физичка ведь заболела».

«Но я же вам написала, что будет урок литературы».

«Разве?.. Кто-то, значит, стер».

«Ну у Димки и выдержка», – подумала я.

«Не „кто-то“, а вы, – резко ответила Маргарита, голос у нее стал чужой. – Не люблю, когда врут».

А Димка ей в ответ, что и он не любит, когда врут.

«Тогда сознавайся... Куда все „слиняли“? Так, кажется, вы это называете?..»

Димка молчал.

«Боишься правду сказать?» – не отставала Маргарита.

Она его стыдила-стыдила, ругала-ругала... Сначала, что мы жалкие людишки. Потом – неблагородные и неблагодарные. И не понимаем хорошего отношения и человеческого участия. Перед самым отъездом... Обидно... Так обидно!.. Прямо нож в спину! Ну никак не ожидала... А у самой голос дрожал.

Мне ее жалко стало. У нее праздник – свадьба, а мы ей нож в спину. А потом у нее голос окреп. Не знаю, чем он ее добил. Может быть, презрительной усмешкой уголком рта – у него такая усмешка.

В общем, она его ругала, а он терпел до тех пор, пока она не назвала его трусом.

«Я трус? – впервые подал голос Димка, и он зазвенел в моих ушах. – Я-я-я-я?!» Так он громко крикнул, так возмутился, что она назвала его трусом.

Он ведь не был трусом. Ты же помнишь, как он у Вальки отбивал собак, как дрался с его старшим братом, с Петькой. Про Димку в школе легенды рассказывали. Он вытащил из горящего сарая кошку только потому, что маленькая девочка плакала – это была ее кошка. Все ее успокаивали, а в сарай, конечно, никто не лез... Представляешь, как он возмутился! Он кошек из огня вытаскивал, хотя их вовсе и не любил, но вытаскивал! А она ему: «Трус, жалкий, презренный трус!»

Димка гордый человек. А она ему: «Жалкий, презренный трус!» Как пощечину отвесила. Наотмашь – хлоп! И звон-н-н по всему классу.

Я стояла за дверью, а схватилась за щеку, будто мне отвесили пощечину.

Николай Николаевич увидел, как Ленка схватилась за щеку, будто все это с Димкой произошло только что, сию минуту, и он не выдержал:

– Да я знаю, знаю, что было дальше! Знаю. Тебе стало жалко Маргариту. Я тебя насквозь вижу – ты же благородная душа, ты вскочила в класс и все ей выложила!..

– Что ты, дедушка, это не я сказала. – Ленка почему-то перешла на шепот. – Димка ей сам выложил всю правду до конца.

– Так это он сказал Маргарите, а не ты? – удивился Николай Николаевич. – Почему же они тогда приставали к тебе?..

Ленка не ответила Николаю Николаевичу, она рассказывала все громче, все быстрее, вздохнув. Слова срывались с ее торопливых губ:

– Когда Димка все сказал Маргарите, она отпала. По-моему, забыла и про свою свадьбу, и про жениха. Ни слова не ответила и выскочила из класса. Я заранее спряталась от нее. Ее каблуки щелкали по пустому коридору, как одинокие выстрелы. Потом она не выдержала и побежала, и стук каблуков участился и слился в сплошную пулеметную очередь: тра-та-та!..

И от Димки я тоже спряталась, когда он проскочил мимо меня, размахивая копилкой. В голове у меня все перемешалось, я выхватила носовой платок, перевязала им коленку – и за ним...

А в это время в классе из-под парты высунулась хитрющая мордочка Шмаковой и совершенно ошеломленная физиономия Попова. Выражение их лиц удивительно точно передавало настроение: Шмакова была очень довольна, ее лицо озаряла странная многозначительная и таинственная улыбка. Попов же был растерян и даже потрясен.

– Видал? – Голос Шмаковой вздрагивал от возбуждения.

– Ну, Димка! – Попов еще не знал, как относиться к происшествию, которое произошло у них на глазах, и с надеждой взирал на подружку. – А что теперь будет?

– Родителей начнут таскать, – ответила Шмакова. – А мы с тобой в порядке.

– Ох, у тебя и голова! – восхищенно сказал Попов. – Член правительства... Я им не завидую.

– А я не завидую Сомову. – Шмакова снова улыбнулась и пропела «лисыим» голосом: – Они ему устроят кино...

– Лохматый его – в бараний рог! – хихикнул Попов, желая угодить Шмаковой.

– Интересно, что теперь скажет Бессольцева?.. – Шмакова задумалась, но вот какой-то четкий и ясный план созрел в ее голове. Она схватила портфель, крикнула Попову на ходу: – Быстрее!.. Посмотрим, как Димка будет сознаваться... Это же концерт! – И выскочила из класса.

Попов, как всегда, следом за нею.

– Я догнала Димку на улице, – продолжала Ленка. – Он вначале бежал быстро, решительно, потом почему-то пошел медленно, а потом вовсе потащился... И даже несколько раз останавливался, словно вообще не спешил в кино.

Наконец мы нагнали ребят. Я думала, Димка сразу все расскажет и мы ни в какое кино не пойдем. А он – нет. Не рассказал. Может, не хотел им портить настроение? И все пошли в кино.

В кино я все время думала про Димку и Маргариту, ничего не видела, никак не могла сосредоточиться и мороженое, которое мы ели, уронила на пол.

После кино я опять ждала: вот сейчас Димка расскажет про Маргариту, вот сейчас Димка расскажет про Маргариту... Меня так колотило, что Железная Кнопка заметила и спросила, чего я так дрожу. Я ответила, что не знаю, а сама подумала: «Может, Димка не сказал ничего ребятам потому, что решил раньше посоветоваться со мной? Я же его ближайший друг».

Потом все разбежались, и мы остались с Димкой вдвоем. И опять я ждала и думала: вот-вот он все расскажет. Шла и заглядывала ему в глаза. Но он ничего не сказал, а я не спросила.

Потом я себя ругала, что была дурой. Ты подумай!.. Если бы я его спросила, если бы я сказала, что я все знаю, то все-все было бы иначе. Дедушка, он правда думал, что он герой. Он еще не знал про себя, что он трус, так же как я не знала, что очень скоро стану предательницей.

– Какая же ты предательница, если это сделал он? – спросил Николай Николаевич.

– Самая настоящая... – Ленкино лицо вновь приобрело печальное выражение, сжалось, сморщилось, она боролась со слезами. – Хуже его в сто раз. Ты вот слушай, слушай и сам увидишь...

Глава седьмая

На следующее утро, когда мы вошли с Димкой в класс, нас встретила веселая нарядная толпа. Не класс, а клумба с цветами. Все были готовы к путешествию. Только одна Миронова, как всегда, была в школьной форме.

Когда появилась Маргарита, то все девчонки ей захлопали, потому что она была в новом красивом-красивом розовом платье с красным цветком – она же уезжала на свадьбу! Но Маргарита не обратила никакого внимания на наши восторги.

Я увидела ее лицо и испугалась. Посмотрела на Димку – вижу, и он испугался. Ну, подумала, сейчас нам влетит за вчерашнее. И отгадала.

Маргарита держала в руке листок бумаги, который оказался приказом директора.

Ты знаешь, что там было написано?..

«За сознательный срыв урока учащимся шестого класса в первой четверти снизить оценку по дисциплине. Классному руководителю Маргарите Ивановне Кузьминой объявить выговор. Довести обо всем случившемся до сведения родителей учащихся...»

Вот что там было написано. А мы сидели разряженные в пух и прах. Мы же собирались в Москву. Проходы между партами были заставлены чемоданами.

А на учительском столе возвышалась копилка. Мы мечтали разбить ее при Маргарите, чтобы взять эти деньги с собой на веселье.

И тут мы услышали, что во двор въехали автобусы, а в школе раздался продолжительный звонок – это был сигнал к отъезду! Мы тоже сразу рванулись к своим чемоданам. А Маргарита как крикнула:

«На места!»

«А что вы так кричите? – с вызовом спросила у Маргариты Миронова. И потом осадила ее так, как только она одна умела: – Мы же люди, а не служебные собаки».

Сразу стало тихо-тихо, но никто не садился обратно, все стояли и ждали, что будет дальше. Маргарита буквально позеленела. Платье розовое, а сама зеленая.

«Вы же еще обижаетесь! – возмутилась она. – Ну что вы стоите?.. Я же сказала – садитесь по своим местам».

Все поползли к партам, а я почему-то села на свой чемодан. И конечно, упала вместе с ним. А следом другие чемоданы попадали. Грохот раздался...

«Бессольцева, не паясничай, – сказала Маргарита, – не поможет».

«Я не паясничаю», – ответила я.

На самом деле я не паясничала. Просто испугалась ее крика. Когда на меня кричат, я обязательно что-нибудь не то сделаю – у меня всегда так.

А все этажи уже взорвались, как бомба, и десятки ног с топотом неслись по коридору и лестницам, и десятки голосов радостно галдели, проносясь мимо наших дверей. Какой-то умник всунул голову в наш класс и завопил:

«Чего вы сидите?» – и исчез.

Рыжий не выдержал.

«Маргарита Ивановна, мы на автобус не опоздаем?» – вежливо так у нее спросил.

«Не опоздаете, – ответила Маргарита, – потому что вы никуда не поедете!»

Вот тут, можно сказать, все онемели. Мы не едем в Москву! Этого никто не ожидал.

«Как... не поедет?» – заикаясь, спросил Рыжий. Он был в ужасе.

«Вы уже повеселились», – сказала Маргарита.

Попов вскочил и схватил два чемодана – свой и Шмаковой.

«А мы, – говорит, – в кино не ходили! Мы со Шмаковой ни при чем!»

«Но и на урок вы не явились. Так что никто никуда не поедет!»

А Попов стоял с чемоданами, и вид у него был дурацкий.

«Поставь чемоданы!» – приказала Шмакова.

И вот в это время вдруг раздался смех. Все вздрогнули. Кто это смеется в такой момент? Что за сумасшедший! А это – Васильев! Наш чудик.

«А ты чего веселишься?» – спросила Маргарита.

«Я догадался – вы нас просто пугаете!»

«Я пугаю? – удивилась Маргарита. – С чего ты взял?»

«А почему вы тогда в новом платье?» – спросил Васильев и засмеялся от собственной догадливости.

– Я вижу, он хороший парень, твой Васильев, – заметил Николай Николаевич.

– Он прихлебатель Лохматого и Железной Кнопки. Вот он кто. Ходит за ними тенью... Не перебивай меня, сам дальше увидишь, какой он хороший. Все они такие хорошие, прямо золотые – ты увидишь!.. Ты лучше слушай, слушай!.. Значит, когда этот чудик сказал Маргарите, что она шутит, то она ему ответила, что вовсе не шутит. С чего ты это взял, мол, дурачок такой-этакий. «Я, говорит, в новом платье, потому что я еду в Москву. Это вы не едете!»

У Васильева вытянулось лицо.

«Это нечестно, – сказал он. – Директор объявил выговор вам и нам. А теперь вы едете, а мы нет. А мы же вместе собирались».

А Маргарита как стала возмущаться:

«Ты на самом деле так думаешь, Васильев? Или прикидываешься?»

«На самом деле».

«Ну, тогда я тебе все объясню, – с угрозой произнесла Маргарита. – Я в кино не убегала, а пострадала из-за вас. Получила выговор. Вполне достаточно для меня. Я должна была раньше уехать в Москву, имела полное право, а я отложила свой отъезд. – Маргарита возмущалась и от этого из зеленой стала розовой, под цвет платья. – А из-за чего я отложила свой отъезд?.. Из-за вас, чтобы поставить вам три-четыре лишние пятерки, чтобы доказать, какой у меня необыкновенный класс. В Москве, – говорит, – на меня обиделись...»

Ну нам-то всем было понятно, кому она звонила и кто на нее обиделся – жених. Она с этим женихом прямо обалдела. В день по сто раз про него вспоминала, даже когда не надо: «Жених, жених!..»

И тут, когда Маргарита сказала про жениха и про пятерки, Железная Кнопка вскочила, сама побледнела, но спокойным-спокойным голосом, ленивым таким, объявила:

«Нам не нужны ваши „лишние пятерки“, так что вы зря не уехали, и на вас бы тогда никто не обиделся».

Представляешь?.. Миронова кому хочешь все что угодно может сказать, если думает, что она права.

Маргарита от ее слов обалдела. У нее чуть глаза не повисли на ниточках. Она прямо заикой стала.

«Как же вам, – говорит, – не стыдно?..»

«А чего нам стыдиться? – вставил Валька. – Мы ничего не украли».

А Маргарита еще больше обалдела:

«Ты что же, думаешь, что надо стыдиться только воровства?»

«А чего же еще? – Валька засмеялся. – У нас все в законе».

«Тогда, может быть, вы в кино сбежали нарочно, чтобы подвести меня?» – в ужасе спросила Маргарита.

«Конечно-о-о-о!»

«Нарочно-о-о!»

«Мы нарочно-о-о-о-о!»

Они кричали эти слова, и им совсем не было жалко Маргариту. Они как с цепи сорвались. Это они от обиды на Маргариту и на себя, что оказались дураками – променяли Москву на кино.

А Димка вертелся волчком, подбегал то к одному, то к другому, стараясь заткнуть ребят там рты, прямо летал по классу.

А ребята орали:

«Мы в Москву не хотим!..»

«Нам бы двоек побольше!..»

«Вот какие вы, оказывается, – сказала Маргарита. – Тогда мне с вами больше не о чем говорить». И пошла к выходу.

«Маргарита Ивановна, постойте! – Димка пытался ее остановить. – Они же шутят!.. – Он суетился возле нее, забегая вперед. – Мы же работали!.. В Москву на свои деньги... Я сейчас к директору... Он нас простит. Честное слово, мы больше не будем. Маргарита Ивановна, можно я к директору? – Он прижался спиной к двери и не выпускал ее. – Вы же нас потом сможете наказать, Маргарита Ивановна!»

«Пусти, Сомов! – приказала Маргарита. – Ты поздно спохватился».

«А что же мне делать с копилкой?» – спросил Димка.

Маргарита крутнулась на каблуках, медленно вернулась, взяла копилку в руки, подняла высоко над головой и... грохнула об пол! Представляешь?! Ну, это было как извержение вулкана! Или как землетрясение!.. Лично у меня пол под ногами заходил ходуном.

До сих пор мы еще на что-то надеялись, вроде чудика Васильева. А тут поняли: не видать нам Москвы как своих ушей.

«Можете теперь ходить в кино хоть каждый день», – сказала Маргарита и удалилась.

Все сидели тихо, но как только дверь захлопнулась, бросились к разбитой копилке.

И началось...

«Давайте ей назло разделим деньги и погуляем!» – крикнул Валька.

А чудик Васильев еще хотел их остановить.

Лохматый оттолкнул его и приказал:

«Дели, Шмакова!»

Шмакова собрала все деньги, перенесла их на стол и стала считать.

«Ух, заработали!» – Валька глотал слюну, точно перед ним были не деньги, а вкусная еда.

А Димка вдруг сорвался с места как бешеный и стал всех отталкивать:

«Не трогайте! Я сейчас эти деньги сам соберу и достану новую копилку!»

Он хватал деньги, рассовывал их по карманам, а сам говорил, говорил: «Мы еще заработаем и махнем в Москву на зимние!..»

А Валька вцепился в него и завопил, что эти деньги общие, что Димка всех грабит.

Ну, тут на помощь Вальке бросились Лохматый и Рыжий. Они скрутили Димке руки, влезли в его карманы и вытащили деньги. А он, такой бедненький, бился у них в руках, изворачивался, выкручивался. Потом они его отпустили.

«Дели, Шмакова!» – приказал Лохматый.

«Шмакова, не надо! – Димка еле переводил дух. – Не слушай Лохматого!»

«Не командуй, Димочка, – ласково пропела Шмакова. – Я же тебе не Бессольцева. – А сама косилась на Димку, ну нарочно поддразнивала его, ласково напевая: – Что же ты не дерешься, не отстаиваешь свои принципы?.. Ты же у нас честный и решительный. Ах ты, Димочка, Димочка! Командир ты наш главный... Откомандовался!..»

Я же тебе говорила, что она настоящая лиса, поет сладким голосом, будто колыбельную, будто укачивает тебя своей лаской, а сама под дых бьет. И Димку она совсем убила – он сидел как побитая собака. Мне его было жалко.

А Шмакова тем временем считала деньги – шевелила губами, точно листья шелестели по траве. Нос у нее удлинился, она и носом помогала себе считать. Только один раз отвлеклась, когда краем глаза увидела, что Валька стащил рублевку и спрятал в карман. Тут она закричала не своим голосом, что Валька прикарманил рублевку.

Лохматый схватил Вальку за шиворот, тот сразу вернул деньги и сделал вид, что обиделся, что, мол, они не поняли его шутки.

«Не на такую напал. Знаем мы твои шутки, – зло отрезала Шмакова и снова радостно запела: – Все!.. Чин чином. Как в кассе – по двадцать три рэ!»

На учительском столе лежало тридцать шесть стопок денег – по числу ребят в нашем классе.

«Ну что же вы, работнички, рты раскрыли? Налетайте! – Шмакова аккуратно подцепила одну стопочку. – Прикоплю еще и куплю голубую куртку. Я в нашем универмаге видела. Обалденная!»

За Шмаковой деньги схватил Валька... и тут же пересчитал.

«Не доверяешь?» – усмехнулась Шмакова.

«Деньги счет любят», – ответил Валька.

Потом стали брать другие... Одни хватали, другие брали небрежно, третьи пересчитывали. Лохматый взял две стопки и одну отнес Мироновой.

На столе остались Димкины деньги и мои.

«А вам что, деньги не нужны?» – спросила Шмакова.

«Они бесребреники», – хихикнул Валька.

Димка стоял рядом со мной, и я чувствовала, как его бил озноб. Он рванулся к столу, схватил свои деньги и заорал:

«Жмоты несчастные!.. Подавитесь этими деньгами!.. – Он подскочил к Вальке: – На тебе!.. На!..» – и стал совать ему свои деньги.

Я обрадовалась, что он снова храбрый, и тоже закричала:

«И мои отдай!»

Метнулась за деньгами и сунула их Димке.

А он совал Вальке эти деньги, а они падали на пол и рассыпались, потому что Валька испуганно отступал от него, отталкивал его руки и твердил:

«Да отстань ты от меня, псих!..»

Васильев крикнул, что пусть все деньги вернут Димке и что правда можно поехать в Москву зимой.

«Правильно, ребята! – подхватил Димка. – Сваливай сюда деньги!» И он подобрал деньги с пола и сложил их обратно на учительский стол.

А я от него зарядилась храбростью, как электричеством. Меня прямо распирало от гордости за Димку: все-таки большинство ребят по-прежнему его уважали. Я подумала, что сейчас самое время рассказать про Маргариту. Он ей все выложил не от трусости, а оттого, что был за правду.

И я теперь тоже носилась по классу, подскакивала к ребятам и говорила: «Давайте деньги, давайте, возвращайте!» И кое-кто мне уже вернул, но я не успела даже положить их на учительский стол, потому что тут нас подкосила Железная Кнопка.

«Надоело, Сомов, – сказала она. – Ну что ты все болтаешь языком, болтаешь, а надо узнать главное».

«Вы слышали, ребята, что она сказала? – У Димки еще блестели глаза. – Я болтаю... Я предлагаю заработать побольше денег и поехать на зимние каникулы в Москву... А она называет это болтовней! – Он подошел к Мироновой: – Ну скажи нам тогда ты, дорогая Железная Кнопка, если я болтаю, то что же ты считаешь главным?» – Он склонился к ней и приложил к уху ладонь: мол, плохо вас расслышал, повторите.

И я тоже повторяла, вслед за ним, каждое его движение и слово:

«Ну скажи нам тогда ты, дорогая Железная Кнопка, что же ты считаешь главным?» – И приложила ладонь к уху.

Но нам с Димкой наши остроумие и находчивость не помогли.

Мы не испугали Железную Кнопку. Она – не я. Она сама кого хочешь испугает. Она мне нравится, только она очень беспощадная.

«Ребята! – крикнула Железная Кнопка, не обращая на нас внимания. – Знаете, что главное? Я поняла. Кто-то донес Маргарите, что стерли ее надпись на доске. Так что выходит – нас предали».

Она умная, Железная Кнопка, догадалась. А я, когда услышала ее слова: «Нас предали», закачалась. Меня как обухом по голове стукнуло. Посмотрела на Димку, хотела ему крикнуть: «Ну чего же ты молчишь, потом поздно будет!» А у самой от страха язык окостенел. И Димка, вижу, сник. И блеск у него в глазах пропал, и храбрость куда-то улетучилась. Вот так Железная Кнопка! Взяла Димку на зубок и перекусила.

Ну, тут и началось. Все ребята стали кричать. Они вопили как сумасшедшие:

«Ну, мы его!..»

«Найдем предателя!»

«Среди нас окопался гад!»

«Тихо!.. – заорал Лохматый. – Выходит, кто-то из наших наклепал Маргарите?..»

«Выходит», – ответила Миронова.

«А кто?» – спросил Лохматый.

Стало тихо.

«Кто предал? Кто же предал?» – думали ребята, поглядывая друг на друга.

Это для них была тайна, и им во что бы то ни стало хотелось ее узнать. Теперь они были все заодно, и получалось, что все против нас.

Они смотрели в рот Железной Кнопке: что она скажет дальше?

Железная Кнопка подозрительно осматривала нас – искала предателя. Глаза у нее были въедливые-въедливые, медленно двигались по нашим лицам. Она еще не добралась до нас с Димкой, а я уже дрожала от страха, потому что Железная Кнопка прожигала насквозь. А когда она посмотрела на Димку, то сказала странным голосом, растягивая слова:

«Дим-ка-а-а... А ты воз-вра-щал-ся...»

На меня эта ее манера растягивать слова плохо действовала. Я сидела ни жива ни мертва.

Нашу парту окружили несколько человек во главе с Мироновой, и по классу пошел шорох, что, конечно же, Димка возвращался за копилкой.

«Точно! – Лохматый схватил Димку за грудки. – Ты возвращался? А ну признавайся!.. Нарвался ты на Маргариту?.. И все ей выложил?»

«Он же у нас чистенький! – крикнул Валька. – У него совесть есть, мог и признаться».

«А ведь главное не совесть, а сила! – Лохматый занес над Димкой здоровенный кулак. – Я вот тебя как стукну в лоб, ноги отлетят!..»

«Ой, ой, – пропела Шмакова, – а он испугался. Ребята, а наш храбрый Димочка испугался. Вот номер!» – И затряслась от смеха.

А Димка и правда испугался. И я тоже испугалась. Он вырвался: да отстаньте, мол, с вашими глупостями, хотя это уже были не глупости.

«Ребята, Димка что-то утаивает! – закричал Валька. – Это же факт, утаивает! Смотрите, смотрите, у него глаза бегают! – Он захохотал. – Бегают! Ох, бегают!»

«Отвяжитесь!.. Надоели, придурки! – вдруг каким-то чужим голосом выкрикнул Димка. – Из-за вас в Москву не попали!.. „Дашь кино! Дашь кино!“ Вот вам ваше кино – боком вышло!»

Димка растолкал кольцо ребят и пошел к выходу. Я – за ним. А Железная Кнопка так ехидно-ехидно, небрежно-небрежно, с легкой улыбочкой бросила нам вслед:

«А я знаю... кто предатель!»

Мы с Димкой остановились как вкопанные – прямо приросли к месту. Куда нам теперь было бежать, если Железная Кнопка все знала?..

С разных сторон понеслось: кто предатель да кто?.. Каждому охота была поскорее узнать его имя. Раззадорились – жаждали мести. А с другой стороны, они были правы. Разве кто-нибудь любит предателей?.. Их никто не любит. Никто. Их все презирают.

Лохматый подскочил к Мироновой:

«Говори, кто он?!»

Ну, решила я, сейчас Железная Кнопка бабахнет про Димку!.. Ну, думаю, теперь мы пропали! Ну теперь они разорвут нас на мелкие кусочки...

Заметалась я, засуетилась, хотела спрятаться за Димку – посмотрела на него и не узнала! Передо мной стоял какой-то зеленый лунатик – глаза у него из синих стали белыми. Не веришь? – Ленка посмотрела на Николая Николаевича. – Думаешь, не бывает белых глаз?.. Но они были белыми. Точно! И жалкая улыбочка ползала у него по губам, вроде моей. И у меня в ответ губы поползли к ушам – хорошенькая получилась парочка!

Тут меня как молнией ударило, прямо пронзило! Я догадалась, что Димку перевернуло так от страха. Говорят же: «На нем лица не было от страха». Так вот, на Димке и не было лица. Маргарите-то он все сказал, он перед нею был герой, а теперь испугался.

А я за него еще хотела спрятаться. Но когда поняла, что ему страшно, что он погибал на моих глазах, то я вдруг сразу перестала бояться. Почувствовала, что ничего не боюсь. Взяла его руку в свою и крепко сжала. Ну, чтобы он знал, что он в этом мире не один. И мне показалось, он понял это и вроде бы кивнул мне.

И тут я увидела, что у него глаза снова выкрасились в синий цвет. Я обрадовалась, решила, что это из-за меня, из-за того, что я взяла его за руку.

А тем временем все ждали, что будет дальше. Только Железная Кнопка не спешила открывать нам свою тайну, она важно и таинственно молчала.

«Ну, Миронова, не тани!» – простонал Рыжий.

– Дедушка, – сказала Ленка. – А знаешь, я бы никогда не тянула так время, как Железная Кнопка, если бы знала про кого-нибудь страшную тайну. А может, ее поэтому и прозвали «Железной»?

Это собственное открытие заставило Ленку замолчать – она о чем-то задумалась.

Николай Николаевич улыбнулся, чтобы как-то, хотя бы улыбкой, смягчить тревожное состояние Ленкиной души.

Но она не ответила на его улыбку, не приняла ее, она была там, вся в этой истории, которая заставила ее так страдать и которая до сих пор еще была не ясна ее дедушке.

– А ты?.. – Ленка резко повернулась к нему всем корпусом. – Ты бы тянул время, если бы знал про кого-нибудь страшную тайну?

– Я бы не тянул, – строго ответил Николай Николаевич. – Никогда. Зачем зря мучить людей, зачем над ними издеваться и выворачивать и без того слабые их души наизнанку, если они даже виноваты. Можно презреть, наказать, помочь, но мучить нехорошо, стыдно, нельзя. Это ожесточает человека. Надо быть милосердным.

– Милосердным? – спросила Ленка. Она задумалась над значением этого слова.

– Знаешь, что такое «милосердный»? – продолжал Николай Николаевич. – Это человек, у которого «милое» сердце. Доброе, значит.

– А Железная Кнопка тянула, тянула, тянула! – сказала Ленка.

«Дадим, – говорит, – ему три минуты на размышление». И посмотрела на часы.

«Одна минута прошла!» – счастливым голосом пропела Шмакова.

Жуткая тишина сопровождала эти три минуты, это ожидание. Только иногда кто-то вскрикивал или хихикал, и все в страхе поглядывали друг на дружку, пытаясь заранее отгадать, кто же предатель.

«Не сознается, ему же хуже будет, – зловеще произнесла Миронова. – Ну! – Она крикнула, как кнутом стеганула. – Ну же! Сознавайся, предатель!.. Сознаешься – тебе же самому лучше и легче будет!»

«Попов, – приказала Шмакова, – встань у дверей, а то *он* еще сбежит». Она почему-то засмеялась.

Попов пересек класс и, радостно ухмыляясь, стал позади нас.

«Две минуты!» – почти не разжимая губ, выдавила Миронова.

Я посмотрела на Димку – он стоял как вкопанный.

«Димка», – в ужасе прошептала я, чтобы подтолкнуть его.

Мне хотелось заорать на него страшным голосом, ударить, чтобы сдвинуть с места, заставить признаться раньше, чем Железная Кнопка назовет его имя.

«Три!» – прозвенел голос Мироновой.

«Три, три, три!» – гудело в моей голове. У меня все поплыло перед глазами, я бы грохнулась, если бы Попов не подхватил меня.

А когда я пришла в себя, то поняла, что Димка не успел еще сознаться, потому что он по-прежнему стоял рядом со мной и никто не обращал на нас никакого внимания.

«Ну? – Лохматый рванулся к Мироновой, он хотел побыстрее схватить предателя. – Кто же *он*?..»

А Миронова снова тянула время.

И тут Димка наконец еле слышно прошептал:

«Ребята...»

Его услышала только Шмакова.

«Что „ребята“? – Шмакова подскочила к Димке. – Тихо-о-о! Сомов хочет нам что-то сообщить! Говори, Димочка! – сладким голосом пропела она. – Говори!»

Но в это время Железная Кнопка, не обратив внимания на Димку, произнесла фразу, которая сразу изменила всю обстановку.

«Подходите ко мне по очереди, – приказала она. – Я буду проверять ваши пульсы. – И угрожающе добавила: – Посмотрим, как сейчас бьется пульс у предателя!»

Все недоуменно переглянулись, у многих разочарованно вытянулись лица. Они готовы были схватить предателя, они жаждали мести, а тут – какой-то пульс.

«Так ты не знаешь *его*?» – хриплым голосом спросил Димка.

Я увидела, как он обрадовался. Он рассмеялся, бедненький, от радости, что Железная Кнопка, оказывается, ничего не знала, что он получил отсрочку.

«А может быть, кто-нибудь другой *его* знает?» – ухмыляясь, сказал Попов.

«И другой тоже не знает, дорогой мой Попик, – сказала Шмакова. – И мы не будем торопиться... – Она почти танцевала между рядами парт и пела: – Мы все-все постепенно узнаем... И как *его* зовут... И что *он* сказал Маргарите... И зачем *он* это сделал...»

«Подходите ко мне по очереди», – сказала Железная Кнопка.

Первым к Железной Кнопке подошел Васильев.

«Проверяй. – Он протянул Мироновой руку. – Посмотрим, что у тебя получится».

Миронова стала считать пульс у Васильева.

Все остальные молча следили за ними, готовые по первому сигналу Железной Кнопки броситься на того, у кого пульс будет биться слишком быстро.

«Нормальный, – сказала наконец Миронова. – Следующий...»

Ребята один за другим подходили к Железной Кнопке, а она считала у них пульс и говорила:

«Нормальный! Следующий!..»

И все больше было тех, кто прошел проверку, и все меньше, кому осталось ее пройти.

Потом, после Шмаковой, Железная Кнопка начала считать пульс у Попова... И на очереди остались только двое – Димка и я! Но тут Железная Кнопка отбросила руку Попова, вскочила – щеки у нее снова заалели – и объявила:

«Пульс – сто!»

«Пульс – сто!.. Пульс – сто!.. Пульс – сто!..» – понеслось по рядам.

«А сколько надо?» – спросил Лохматый.

«Семьдесят! – Железная Кнопка победно оглядела класс. – Попался, голубчик!»

«Ну, гадина!» – Лохматый схватил Попова и выкрутил ему руки.

«Точно, это *он*! – заорал Рыжий и бросился к Лохматому на помощь. – Они же в кино со Шмаковой не ходили и в Москву хотели уехать вдвоем».

Ребята мигом окружили Попова, и со всех сторон понеслось:

«Ну и Попик! Ну и верзила!»

«Ну и раб! Дать ему по носу!»

«Да отстаньте вы от Попова», – вдруг совершенно спокойно сказал Димка.

А я решила: наконец он все скажет. Я снова задрожала от страха: все-таки сознаваться страшно, хотя и надо. Но я раньше времени задрожала, он и не думал сознаваться. Он сказал: какая разница, Попов это сделал или не Попов, все равно Маргарита бы узнала, и что во всем виноваты мы сами, и нечего искать козла отпущения.

«Большая разница! – возмутилась Железная Кнопка. – За предательство знаешь что бывает?»

А Димка развеселился – он перестал бояться – и, совсем как прежде, сказал:

«Ах, ах, как страшно!»

«Попов, рассказывай!» – приказала Железная Кнопка, демонстративно отворачиваясь от Димки.

«А что? – Попов самодовольно хмыкнул и посмотрел на Шмакову. – И расскажу».

«Еще как расскажет, – улыбнулась Шмакова, – хотя кое-кому это и не понравится... – Она притворно вздохнула: – Но что поделаешь!.. На всех не угодить!»

«Ребя! – Попов сиял. – Ребя, что было!..»

Он так многозначительно посмотрел на Димку, что можно было подумать, что он все знает! И я посмотрела на Димку, и снова меня как молнией пронзило: его опять от страха всего перекоरेжило! Тогда я опять бросилась очертя голову вперед, чтобы помочь ему.

«Послушайте! – закричала я. – Послушайте меня!..»

«В чем дело? – возмутилась Железная Кнопка. – Что ты нам мешаешь?..»

«Ну почему же мешает, – вмешалась Шмакова. – А может быть, она скажет что-нибудь по делу. Говори, Бессольцева... Мы ждем с нетерпением».

«Ребята, – сказала я. – Это... это...»

Я уставилась на Димку, сверлила его глазами, чтобы он понял, что ему уже пора сознаваться, что больше нет ни одной свободной секунды. Но он снова промолчал, он как будто не замечал моих взглядов.

«Это... – я решила сама назвать его имя, раз он не мог, – сделал...» И замолчала, хотя понимала, что для отступления уже все дороги отрезаны. Но у меня дыхание перехватило, никак я не могла назвать Димкино имя.

«Ты что замолчала? – надела на меня Шмакова. Она стояла передо мной в торжественной, величественной позе, сложив руки на груди. – Ну говори же, говори, кто это сделал, потвоему?»

Дедушка! Посмотрела я на Шмакову и поняла: вот кто обрадуется, когда узнает про Димку. И вдруг я почему-то улыбнулась и сказала совсем не то, что собиралась...

«Это сделала я!..»

– Ах вот в чем дело, – сказал Николай Николаевич и как-то весь преобразился.

Значит, Ленка всю вину взяла на себя. А он, старый леший, даже не подумал об этом. Кажется, она сможет прожить жизнь не хуже прочих Бессольцевых, ибо обладала теми чудными качествами характера, которые непременно требовали от нее участия в судьбах других людей и боли за них.

Это открытие, так неожиданно посетившее Николая Николаевича, обрадовало его несказанно. Он встал и весело прошелся по комнате, напевая себе под нос, что случалось с ним крайне редко.

– Что с тобой? – не поняла Ленка.

– Со мной? – Николай Николаевич вполне радостно улыбнулся. – Со мной положительно ни-че-го!.. Продолжай, пожалуйста! Я внимательно слушаю тебя.

– Когда я первый раз произнесла, ну, про то, что это сделала я, то многие не поверили своим ушам: что это, мол, она мелет. А я посмотрела на Димку, улыбнулась и повторила громко:

«Это сделала я! Понятно?.. Я!»

До чего же у них стали смешные лица! Рыжий открыл «варежку» и забыл ее закрыть.

«Ты?» – Шмакова выпучила на меня глаза.

И следом за нею Попов тоже выпучил.

Лохматый стукнул меня по спине:

«Вот тебе для начала!»

А Васильев почему-то перепугался.

«Не может этого быть», – говорит.

«Может, может! – закричала я. – Это я!» – И зырк на Димку: мне было интересно, когда же он сознается.

Васильев наклонился ко мне и тихо прошептал:

«Я догадался... Ты их разыгрываешь?..»

Я в ответ рассмеялась, и Васильев, вполне довольный, тоже рассмеялся.

А Железная Кнопка сразу поверила. Она с жадностью посмотрела на меня, потом лицо ее ожесточилось, она не из тех, которые прощают.

«Как же тебя угораздило, несчастное ты чучело?» – спросила она.

«А так, угораздило, – весело ответила я. – Побежала в медпункт, чтобы перевязать ногу, встретила Маргариту... и все ей рассказала». – А сама снова – зырк на Димку.

Он, кажется, уже успокоился, а меня это обрадовало – значит, я снова помогла ему.

Лохматый второй раз стукнул меня ребром ладони между лопаток, а я даже не вздрогнула.

Васильев подмигнул мне и радостно завопил:

«Во смелая!.. Лохматый, она тебя не боится!»

А я правда не испугалась. Что-то случилось со мной новое. Сама себя не узнавала, ну точно это была не я.

Так вот, когда я «созналась», то Железная Кнопка сразу взяла власть в свои руки, и все стали ей подчиняться. Она приказала закрыть двери.

Валька схватил учительский стул, всунул в кольцо дверной ручки, хихикнул и радостно потер руки:

«Ну, будет веселое дельце!»

Мы сидели взаперти – вроде бы одни во всем мире. Там везде шла какая-то жизнь, во дворе счастливчики собирались в Москву, а мы здесь сидели одни в четырех стенах.

Видно было, что никто толком не знал, что делать со мной дальше.

Первым нашелся Валька – он понял, что меня надо бить. И швырнул в меня резинку – она ударилась в стенку и вмазалась Попову в лицо.

«А меня-то за что?» – завопил Попов.

Все, конечно, засмеялись, весело получилось: целили в меня, а попали в бедного Попова. Ну и я тоже рассмеялась и Димке подмигнула: мол, а ты, дурачок, чего же не веселишься?

Но Димка сидел мрачнее мрачного.

И еще Железная Кнопка не пожелала веселиться. Она вскочила на парту:

«Ребята, произошла страшная история. Среди нас появился предатель!.. – Она обвела всех взглядом, щеки у нее покрылись румянцем возмущения. – Что мы будем с нею делать? Надо решать».

А Васильев как завопит:

«Сжечь ее на костре! Да свершится гражданская казнь!»

«Точно! – обрадовался Рыжий. – Сжечь ее на костре!»

Все снова рассмеялись, потому что Рыжий когда кричал: «Сжечь ее на костре!» – то корчил смешные рожи.

И я тоже рассмеялась и оглянулась на Димку и показала ему, что мне совсем не страшно.

Но Железная Кнопка опять не поддавалась общему веселью.

«Лохматый, – приказала она, – выруби Рыжего, чтоб не кривлялся».

Рыжий сам сразу сдался, он закричал:

«Я как все!.. Я ей ничего не прощаю!.. – Подлетел ко мне: – У-у-у, тепло-о-о!»

«Ладно, Рыжий, потом будешь орать, а сейчас помолчи. И забудь про свои дурацкие шутки, – сказала Железная Кнопка. – У нас серьезный разговор и серьезное дело».

– Знаешь, дедушка, – сказала Ленка, – у Мироновой очень сильная воля. Я тогда снова подумала: не зря ее прозвали Железной Кнопкой, не зря.

«Так простим мы ее или не простим?» – Глаза ее прямо испепеляли всех.

И тут все заорали кто что:

«Не простим!..»

«Простим!..»

А я еще ничего не понимала и закричала:

«Не прощайте!.. Не прощайте!..»

«Тихо!» – остановила всех Железная Кнопка.

Миронова знала, что все ждут, что же она скажет, и поэтому снова тянула по своей привычке, а потом с восторгом объявила:

«Бессольцевой – бойкот!»

И все дружно подхватили:

«Бойкот! Бой-кот!»

В это время кто-то дернул дверь из коридора, а потом застучал и закричал, чтобы мы немедленно открыли. Мы узнали голос Маргариты.

Я испугалась, что она ворвется и выдаст Димку. А он еще сильнее меня испугался. На цыпочках подбежал к двери, приложил палец к губам: мол, все молчите!

Тут, конечно, мы притихли. И я, дурочка, тоже, как он, приложила палец к губам и вертела головой во все стороны, чтобы никто не издал ни шороха, ни звука.

Маргарита стучала и стучала:

«Немедленно откройте!»

А Димка, бледный-бледный, ни кровинки в лице, стоял около дверей. Смотреть на него было невозможно – так он дрожал. А Маргарита не отставала:

«Откройте, откройте!»

Железная Кнопка подошла к Димке, оттолкнула его, открыла дверь, и перед нами появилась Маргарита. Она подозрительно спросила:

«Какой еще бойкот?.. Что тут происходит?»

Мы молчали.

Но тут, на наше счастье, кто-то из коридора позвал:

«Маргарита Ивановна!.. Вас Москва вызывает!»

Ну, а когда Маргариту вызывает Москва, она обо всем забывает.

Она рассеянно посмотрела на нас, словно забыла, чего она так стучала и что ей надо, улыбнулась, махнула рукой и убежала.

Железная Кнопка невозмутимо закрыла дверь и спросила, обращаясь к классу:

«Значит, Бессольцевой...»

И ей дружно ответили:

«Бой-кот!»

«Бойкот!» – крикнул Васильев, задыхаясь от смеха.

«Никто, слышите, ни один человек не должен с нею разговаривать, – требовала Железная Кнопка. – Пусть она почувствует наше всеобщее презрение!.. А тому, кто нарушит клятву, мы тоже объявим самый жестокий бойкот! Наш пароль: „Бойкот предателю!“»

«Даешь бойкот! – неслось с разных сторон. – Да здравствует справедливость!»

«Ух, повеселимся! А, Сомов?! – затрещал Валька. – Погоняем твою подружку!.. Давай, давай крикнем вместе: „Бой-кот Чу-че-лу!“ – приставал он к Димке. – Чего же ты не кричишь?»

Димка криво усмехнулся и промолчал.

А все кругом заволновались, засуетились:

«Как же? Сомов против бойкота?»

«Сомов отделился от всех! Ай-ай-ай!..»

«Ты что, Димочка, правда против бойкота? – спросила Шмакова. – Нехорошо идти против коллектива, неправильно».

Димка продолжал криво усмехаться, хотя ему было не до смеха.

Валька понял, что Димка растерялся, что он засбоил, и прилип к нему:

«Ну поднатужься, поднатужься, Сомик! – И хватал его руками, и тормозил, и восторженно ржал, понимая, что добивает Димку. И прыгал, и танцевал вокруг него. – Ну давай, давай же вместе: бой-кот Чу-че-лу!.. – Ему нравилось так выкрикивать, и он почти пел: – Бой-кот Чу-че-лу-у-у!» – И наседали, наседали на Димку.

Я не выдержала; мне жалко было Димку, и я крикнула Вальке прямо в лицо:

«Бой-кот!.. Бой-кот!..»

Валька от неожиданности перепугался и отскочил:

«Ты что, ошалела? Орешь в ухо!»

А внизу во дворе в это время разворачивалась своя жизнь, и в этой жизни наступил торжественный момент – шоферы автобусов завели моторы. Этот гул достиг наших окон, и Шмакова закричала:

«Автобусы уходят!»

Мы прилипли к окнам и с завистью смотрели на бурлящий школьный двор, перебрасываясь редкими словами по адресу отъезжающих:

«Смотрите, Маргарита с цветами... Ох, ох, довольная!.. – сказала Шмакова. – Какая важная... Невеста!»

«Заметила нас... Улыбайтесь ей, улыбайтесь, – приказала всем Железная Кнопка и сама тоже улыбнулась. – Сделаем ей ручкой. – Она помахала рукой Маргарите. – Пусть не думает старушка, что мы откинули копыта от переживаний».

«Уезжают... – Голос у Рыжего задрожал. – А мы!..» В глазах у него стояли слезы.

«Машет нам наша наседка, – противно хохотнул Валька. – Хорошо бы ей плюнуть на голову... Она стоит – ей шмяк по макушке!»

«Ну и подонок ты!» – вдруг возмутился Лохматый.

«Почему подонок? – ответил Валька. – А что она с нами сделала?»

«Опять машет, – хмыкнул Лохматый. – Может, зовет нас, чтобы мы поздравили ее со свадьбой?»

«Я мимо училки бежала и увидела в открытую дверь, как учителя там поздравляли Маргариту. Они пили чай с большим-большим тортом, – вырвалось у меня. – Я всунула голову и сказала: „Маргарита Ивановна, а я вас тоже поздравляю“. Они все смутились, даже смешно. А директор подавился чаем и закашлялся... И все после этого засмеялись...»

«Ты ловка, – заметила Железная Кнопка. – Предатель, да еще и подлиза».

«Миронова, полегче на поворотах», – заступился за меня Васильев.

– Ну а Димка-то что? – почти крикнул Николай Николаевич.

– Димка?.. Ничего. Он успокаивался – это было видно. Правда, когда Железная Кнопка сказала мне, что я подлиза и предатель, то он быстро отвернулся от меня, чтобы я не перехватила его взгляд. А в это время Маргарита снова замахала нам рукой. И Шмакова тогда сказала:

«Чего она размахалась, наша мельница?»

«Ребята! – заорал как безумный Рыжий. – Это она нас зовет!.. Она передумала!»

«Передумала-а-а! Даешь Москву!»

Их как ветром сдуло – они забыли и про меня, и про бойкот, и про Димку!.. Мы с Димкой остались вдвоем.

– Тебе нравится «Уснувший мальчик»? – спросила Ленка дедушку и быстро, не ожидая ответа Николая Николаевича, добавила: – Ты не отвечай. Не надо... А мне он очень нравится. Он на Димку похож. Только у «Уснувшего мальчика» улыбка испуганная, а у Димки надменная. А это большая разница. Раньше я этого не понимала. А теперь поняла, что я люблю испуганных людей. Ну, они вроде бы какие-то не такие, у них есть испуг за других.

Ленка посмотрела на Николая Николаевича и застенчиво улыбнулась:

– Ты мне тоже поэтому нравишься... А когда мы остались вдвоем в классе, то Димка стал вылитый «Уснувший мальчик», потому что он потерял свою надменность. Он так посмотрел на меня, как никогда. Грустно-грустно. По-моему, он хотел сказать мне что-то особенное, важное. Нет, не только то, что он всех выдал Маргарите, а что-то еще...

Если бы я, дура, не рассмеялась, то он бы сказал. Видно было, что у него эти слова были на кончике языка. И все могло бы быть иначе. А я захохотала. Представляешь?.. Дура!

Ну, он и бросился от меня бежать. А я за ним. Прыгала через две ступеньки, когда неслась по лестнице, и мне было весело-весело... В последний раз было весело.

Ленка вновь замолчала. Лицо у нее изменилось. Для Николая Николаевича оно уже давно было открытой книгой. Когда он замечал, как горько опускались у нее уголки губ, то знал: она вспоминала что-то печальное.

– Дедушка, неужели мне больше никогда не будет весело? – спросила Ленка. – Неужели жизнь прошла?

– Что ты!.. Что ты!.. – испугался Николай Николаевич. – Опомнись, Елена!.. Задумайся над смыслом своих слов. Мне скоро семьдесят, а я еще надеюсь, у меня есть еще многочисленные планы... – Он говорил невпопад. – То ли еще было в твоей жизни. Вот слушай! Однажды... Ты тогда единственный раз приехала ко мне в гости, мама тебя привезла. Конечно, ты ничего не помнишь, маленькая была. И вот однажды ты исчезла из дома. Паника поднялась – пропала девка!.. Я тебя нашел около «Уснувшего мальчика». Ты ему одежду принесла. Ждала, когда он проснется, и хотела, чтобы он оделся и ушел с тобой. Ты все ждала, ждала, когда же он проснется!.. Я тебе говорю: пора домой. А ты как стала реветь: хочу, чтобы он проснулся, и баста!.. Еле унес тебя.

Ленка сидела на диване, свернувшись калачиком. Ее колени упирались в бок Николая Николаевича, и тот почувствовал, как Ленку бьет мелкий озноб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.